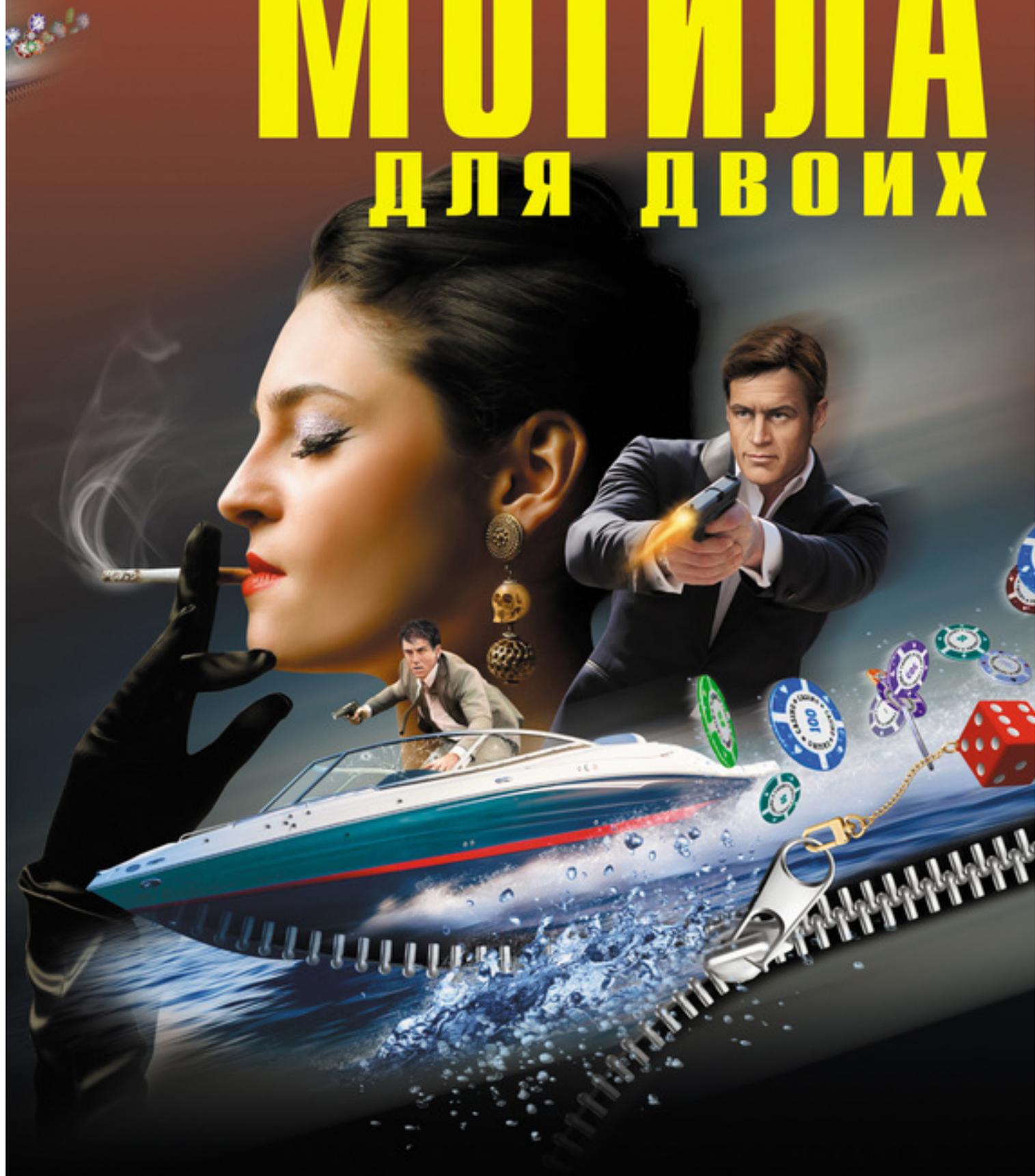

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ

Алексей МАКЕЕВ

**МОГИЛА
ДЛЯ ДВОИХ**

Полковник Гуров

Николай Леонов

Могила для двоих (сборник)

«ЭКСМО»

2014

Леонов Н. И.

Могилы для двоих (сборник) / Н. И. Леонов — «Эксмо»,
2014 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-699-78986-3

Долгожданный отпуск полковник МУРа Лев Гуров решает провести на Байкале, в имении своего однокашника Павла Кривобокова. Планируется настоящий мужской отдых: охота в тайге, рыбалка, баня. К Павлу приезжают также друзья и родственники – большая веселая компания. В день приезда погода вдруг начинает стремительно портиться, и вскоре за окном бушует настоящий ураган. Дороги размывает, и гости оказываются отрезанными от «большой земли», да еще и без связи. Но настоящая беда приходит позже – в доме начинает орудовать убийца. В течение двух дней неизвестный убивает трех человек и останавливаться на этом, видимо, не собирается. Гуров срочно начинает поиски злодея. Он понимает, что, если не поторопится, спастись не удастся никому...

ISBN 978-5-699-78986-3

© Леонов Н. И., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Могила для двоих	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	24
Глава 6	27
Глава 7	30
Глава 8	36
Глава 9	40
Глава 10	44
Глава 11	49
Глава 12	53
Глава 13	59
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Николай Леонов, Алексей Макеев

Могила для двоих (сборник)

© Леонова О. М., 2014

© Макеев А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Могила для двоих

Глава 1

– Нет, Лев Иванович, здесь твои оперативные таланты не найдут применения! – сказал Кувшинов, движением руки показывая на окружавшее их водное пространство. – Да и тебе, Павел Петрович, здесь работы не найдется. Разве что Михаила Потапыча в тайге выслеживать, величину следов измерять...

– Да, трудно представить, что здесь может произойти какое-то серьезное преступление, которое надо будет раскрывать, – согласился Гуров. – Хотя, с другой стороны, везде, где собираются люди, они приносят с собой свои конфликты, свои интересы, часто противоречивые. А значит, там может произойти и нарушение закона.

– Ну, это все философия, – заметил третий участник беседы, Павел Петрович Кривобоков. – Я с Константином согласен – это не то место, где могут потребоваться наши с тобой, Лев, специфические таланты.

– Надеюсь, что так, – отозвался Гуров и вновь окинул взглядом оком.

Перед ним, у самых ног, сколько хватало глаз, расстилалась водная гладь. Было удивительно тихо, поверхность воды не беспокоил даже малейший ветерок. Байкал выглядел весьма миролюбиво и умиротворенно. Сквозь толщу воды просвечивали камни на дне. Казалось, они совсем рядом, но Гуров знал, что это впечатление обманчиво – байкальские воды отличались исключительной прозрачностью, и глубина не ощущалась.

– А какая здесь глубина? – спросил он. – Метров пять-шесть, наверное?

– Пять-шесть? – усмехнулся Кувшинов. – Мало даешь, Лев Иванович. Здесь, у причала, все пятнадцать будет, причем сразу от берега. Шагнешь – и с головой.

– То есть купаться, в обычном понимании, здесь нельзя, – заключил Гуров, – только совершать прыжки в воду, а потом из воды вроде летающих рыб.

– Почему же купаться нельзя? – возразил хозяин. – Погляди вон туда, левее. Видишь слой белой гальки? Там у меня пляж. И там все оборудовано по лучшим стандартам: дно выровнено, можно заходить в воду постепенно, метров на десять. Потом, правда, тоже начинается глубина. Я даже детский «лягушатник» огородил, чтобы дети могли безопасно плескаться. Хотя, кажется, напрасно: Виталий позвонил, что детей не берет, в Москве останутся. Опять я внуков не увижу...

– А до другого берега здесь сколько? – продолжал допытываться Гуров.

– В этом месте Байкал широкий, приближается к наибольшей ширине, – сообщил Кувшинов. – Сорок километров будет.

Лев повернулся и стал осматривать пейзаж, находившийся за спиной. Прямо за усадьбой начиналась тайга, сопки громоздились одна на другую. Из-за них высовывался скалистый пик.

– А это что же – знаменитый хребет Хамар-Дабан? – спросил он, показывая свое знакомство с байкальскими названиями.

– Нет, Лев, тут ты маху дал, – покачал головой Кувшинов. – Хамар-Дабан южнее, тут другие хребты. Они нас отделяют от долины Селенги.

– Слушай, а чего ты так далеко забрался? – заметил Кривобоков. – Чуть не на тыщу километров к северу по побережью. Построил бы себе усадьбу южнее...

– Южнее, до самого устья Селенги, вдоль Байкала идут дороги, железная и автомобильная, – ответил хозяин. – А я хотел забраться туда, где ни дорог, ни людей нет. Мне людей и на работе вот так хватает. – Он провел рукой по горлу, показывая, как его все достали, и продолжил: – Здесь, конечно, трудно было обустроиться, но главное – кабель электрический

от поселка протянули, свет, энергия есть. Ну, и на всякий случай у меня в подвале генератор мощный стоит, и запас бензина имеется. Так что без света мы не останемся. Газа нет, так его здесь нигде нет. Вода – вон она, самый большой пресный водоем в мире. Слив я наладил, с полной очисткой, тут, считай, нигде такого нет. Так что вреда экологии я не приношу.

– Но дорог-то нет? – не унимался криминалист. – Добраться только на катере можно?

– Да, дороги здесь хилые, – согласился Кувшинов. – Не асфальт. Как непогода, на колесный транспорт рассчитывать не приходится. Но у меня не только катера, у меня еще и вертолет имеется! Я вам его потом покажу. Так что у нас здесь и водное сообщение, и воздушное.

– Хорошо, а с продуктами как? – поинтересовался Гуров. – Их ты тоже по кабелю получаешь?

– За продуктами мы плаваем в Ольхон – это поселок в двадцати километрах южнее отсюда. Я там договорился с хозяином магазина. Оставляю у него заявку, и он по ней получает товары. Если нужно что-то сверх заявки, плаваем в Бабушкин – это другой поселок, крупнее и дальше, на железной дороге. Ну и, наконец, в нашем распоряжении имеется вертолет. Можно хоть до самого Иркутска долететь.

– Да, я вижу, устроился ты здесь основательно! – заметил Гуров.

– Еще как основательно! – подтвердил хозяин. – Да пойдемте в дом, сами все увидите. И летное поле покажу, и все хозяйство. Ну, и по окрестностям можем пройтись. Время у нас есть. Ирина с детьми и остальные должны часа через два приехать. Их Борис привезет, на глиссере.

– А что, второй катер у тебя больше, чем этот? – спросил Кривобоков, кивнув на качавшийся у причала катер.

– Это слабо сказано, «больше», – ответил Кувшинов. – Их даже сравнивать нельзя. Это, можно сказать, лодочка, а то – судно. Двадцать человек за раз перевезти можно. Вот приедут, сам увидишь. Ну ладно, хватит тут стоять, пойдемте в дом.

И они вслед за хозяином стали подниматься по крутой лестнице в усадьбу.

Лев Гуров, Павел Кривобоков и Константин Кувшинов в юности вместе учились в Высшей школе милиции. Служили они, правда, в разных городах – Гуров и Кривобоков в Москве, а Кувшинов в Иркутске, но встречались на разного рода совещаниях, а иногда вместе проводили отпуска. Кувшинов не раз приглашал друзей погостить на Байкале, пожить в палатке на берегу озера, половить хариуса, однако друзьям все никак не удавалось выкроить время, чтобы принять такое приглашение. Но вот несколько лет назад Константин Кувшинов вышел в отставку и занялся бизнесом. Дела у него шли успешно, и на настоящий момент он владел сетью СПА-салонов, спортивных залов, кафе и ресторанов не только в Иркутске, но в других городах Сибири. Возросшие финансовые возможности позволили ему реализовать давнюю мечту: приобрести участок земли на берегу Байкала, близ поселка Заречье, и возвести там усадьбу. И теперь он пригласил друзей уже не в палатку, а в благоустроенное жилье. И рыбачить предстояло не в плоскодонке, а на современном катере. Были обещаны и другие экскурсии и развлечения. От такого приглашения было трудно отказаться, и Гуров с Кривобоковым, наконец, сумели согласовать свои отпуска и в начале августа прибыть на Байкал. Планировалось, что они проведут здесь неделю. Хозяин встретил их на аэродроме, отвез в Листвянку, откуда на катере они прибыли в усадьбу. Сегодня же должны были приехать и другие участники летнего отдыха: жена Кувшинова Ирина Валерьевна, их дети – сын Виталий, 36 лет, с женой Леной, и дочь Ксения, 26 лет. Также Кувшинов пригласил отдохнуть своего партнера по бизнесу, директора банка Сергея Саенко с женой Настей. Всех должен был привезти на большом катере работавший у Кувшинова водитель-механик Борис Бабченко.

В доме, куда их привел Кувшинов, гостей встретила улыбчивая, хорошо сложенная женщина лет сорока.

– Это Таня, наша горничная и кухарка, – представил ее Кувшинов. – Сейчас Таня покажет нам свои кулинарные таланты. Ну, Татьяна, чем гостей угостишь?

– Для начала будет омуль, тушенный в сметане, – объявила кухарка. – А потом чай с медом.

– Это у нас сегодня скромный обед, – как бы извиняясь, объяснил хозяин. – Из-за того, что большая часть гостей еще не приехала. Вот все съедутся, и вечером сядем ужинать. Там программа будет побогаче.

За обедом разговаривали в основном о байкальской фауне, как водной, так и сухопутной. Кувшинов сообщил, что медведей он видит частенько, но на них не охотится.

– А зачем? – пожал он плечами. – Потапыч мне вреда не приносит. Зверь красивый, мощный. Мне кажется, стремление его убить – это какие-то понты, свойственные тем, кто любит покрасоваться. Я тут на рябчика охочусь, на глухаря.

– А на оленя? – поинтересовался Кривобоков.

– Можно и на оленя, их тут можно встретить. Но он занесен в Красную книгу, на него разрешение получать надо. А я, хотя в милиции больше не служу, законы по-прежнему уважаю.

После обеда друзья собирались погулять по тайге, осмотреть окрестности. Но реализовать это намерение им не удалось. Едва они встали из-за стола, как со стороны озера послышался звук мощного мотора.

– Никак наши приехали! – воскликнул Кувшинов, и все дружно поспешили к выходу.

С террасы, опоясывавшей дом, была видна значительная часть озера. Они увидели, как к берегу приближается большой катер. Кувшинов не преувеличивал – это было действительно настоящее судно. На носу стояли несколько человек и весело махали им руками.

Спустя несколько минут катер пришвартовался к причалу, и на берег вышли шесть человек. Первым шел молодой, но уже склонный к полноте парень, похожий на самого Кувшинова. Он вел под руку красивую молодую женщину.

– Вот, знакомьтесь, мой сын Виталий, а это его жена Лена, – представил их Кувшинов, когда приехавшие поднялись на террасу.

– Очень рад, очень рад! – гулко произнес Виталий, пожимая руки Гурову и Кривобокову. – Мы с вами встречались, но мне тогда было лет пять, и я этого, конечно, не помню. Да и вы меня, думаю, не помните.

– Да уж, за тридцать лет этот мальчик немного изменился, ты не находишь, Павел? – усмехнулся Гуров.

За молодым Кувшиновым и его женой следовала дама в ярком брючном костюме, с осинной талией. Гуров ее узнал – это была жена Кувшинова, Ирина. В молодости она училась в балетном училище, танцевала на сцене и, хотя давно покончила с балетной карьерой, продолжала истово следить за собой.

– О, Лев Иванович! – воскликнула она, протягивая Гурову руку – то ли для пожатия, то ли для поцелуя. – Все-таки выбрались в нашу таежную глушь! Это радует!

Шедшая вслед за Ириной дочь Кувшиновых Ксения была немного похожа на мать – такая же стройная, гибкая. Но в ней в отличие от матери чувствовалось нечто хищное, ощущалась скрытая сила.

Последними поднималась еще одна пара. Шедший впереди мужчина был краснощекий жизнерадостный толстяк с веселыми голубыми глазами, лет под шестьдесят. За ним следовала молодая девушка, белокурая, хорошо сложенная. Ей можно было дать никак не больше 25 лет – а Гуров редко ошибался, определяя возраст незнакомого человека на глаз. Как он и предполагал, это оказались деловой партнер Кувшинова, директор банка Сергей Саенко и его жена Настя.

– Ну, вот все и в сборе! – провозгласил Кувшинов, когда все гости поднялись на террасу и перезнакомились друг с другом. – Пойдемте в гостиную, я оглашу программу пребывания,

чтобы все были в курсе, когда и чего ждать. А для тех, кто здесь раньше не был, проведу экскурсию по дому.

Они вошли в гостиную, отделанную лиственницей, с домотканым ковром на полу и такой же вышивкой на стенах, и расселись в глубокие удобные кресла.

– Итак, сегодня я предполагал только короткую прогулку по окрестностям, – начал свое выступление хозяин. – Но, поскольку все приехали раньше, чем я ожидал, сегодня, уже через час, состоится поездка по Байкалу с посещением северного побережья. А завтра мы отправимся на легендарный таежный курорт Шумак!

– Это каким же образом? – спросил Саенко. – На медведях, что ли? Ведь этот Шумак, как я слышал, находится вдали от берега, на катере туда не доедешь, и дорог туда нет...

– Ты, Сергей, совершенно прав. Но ты забыл одну маленькую деталь – что в нашем распоряжении имеется воздушное судно! Правда, оно вмещает только шесть человек... Поведет вертолет Борис, наш механик. Я должен выполнять роль гида. Остаются четверо пассажиров. Я бы хотел, чтобы полетели мои друзья – Лев с Павлом и Сергей с женой Настей. Больше мест, к сожалению, нет...

– Я тоже не видела этот знаменитый курорт! – воскликнула Лена, невестка Кувшинова. – Может, кто-то из мужчин уступит мне место?

– Я могу уступить, – сказал Гуров. – А можно поступить иначе. Я имею права на вождение вертолетов разных марок. Да и Павел тоже, я знаю, имеет такие «корочки». Так что любой из нас может заменить пилота.

– Отлично! – обрадовался Кувшинов. – Вот все проблемы и решены! Ты, Ириша, и ты, Виталия, я думаю, не в обиде – ведь вы там были...

– Я, конечно, не отказалась бы еще раз побывать в этом очаге здоровья, – произнесла Ирина своим низким глубоким голосом. – Но я, разумеется, не претендую...

– Я тоже, – кивнул Виталий.

– А я бы съездила туда еще разок, – вступила в разговор Ксения. – Конечно, я там была, но хочется взглянуть еще раз.

– Ты вроде говорила, что плохо себя чувствуешь? – заметил Виталий, повернувшись к сестре.

– Да, чувствую я себя неважно. Вот и полечу за здоровьем. Папа, можно я заменю тебя в роли гида?

– Я бы, конечно, сам хотел... – замялся Кувшинов-старший. – Но если ты настаиваешь... Хорошо, я останусь здесь. Тогда все решено. Значит, завтра полет на курорт. Послезавтра – снова выход на Байкал, но уже не с экскурсией, а на рыбалку. Будем ловить знаменитого байкальского омуля. На четвертый день организуем выход в тайгу, будем охотиться на глухаря.

– Прямо в гнезде? – пошутил банкир Саенко.

– Да, именно там! – подтвердил хозяин. – На пятый день – снова рыбалка, уже на хариуса, потом еще раз выйдем на озеро, снова на омуля, а там отъезд. И, разумеется, каждый день после выхода на природу – сауна и прочие удовольствия. Как вам программа?

– Программа отличная, – отозвался Кривобоков, – если только природа не внесет в нее свои коррективы. Я слышал, байкальская погода очень капризная, дождь может пойти в любую минуту.

– Против этого приняты меры! – успокоил его Кувшинов. – Виталия по моей просьбе уже три недели изучал все прогнозы по байкальской погоде. С учетом этих прогнозов мы вас и пригласили именно на эти дни. Виталия, огласи!

– Оглашаю! – торжественно произнес Кувшинов-младший и поднялся с кресла. – В ближайшие шесть дней погода обещается теплая и солнечная. Ветер – умеренный. Дождь – только местами и кратковременный. И это, заметьте, во всех прогнозных системах, сколько их есть.

– Странно... – негромко произнесла Настя Саенко.

– Что странно, золотце? – обернулся к ней муж.

– Я перед отъездом тоже смотрела прогноз, и там говорили о дождях и сильном ветре. Кажется, там значился даже град...

– Ну, ты на своей любимой системе смотрела, которой всегда пользуешься, – ответил банкир, – а Виталий на всех. Правда, наш Виталий, как мы знаем, склонен принимать желаемое за действительное и слегка преувеличивать... Как на этот раз, Виталя? Правда, с погодой все так нормально, как ты говоришь, или права Настя?

– Да, я все тщательно проверял, – заверил младший Кувшинов. – Мало того, я позвонил знакомым метеорологам и спросил у них. Они наши, местные, все тут досконально знают. И они мне обещали нормальную погоду. Не идеальную, но нормальную.

– Ну, что ж, замечательно, если так, – заметил Гуров. – Значит, нам и правда удастся отдохнуть!

Глава 2

Как и обещал Константин Кувшинов, спустя час, когда гости отдохнули с дороги и переоделись, все отправились на обзорную экскурсию. Здесь Гуров увидел и механика-водителя Бабченко – последнего из обитателей усадьбы, с кем он еще не познакомился. Это был неразговорчивый молодой человек, примерно, лет 35, крепкий, с небольшой залысиной. Катер он вел уверенно.

Они прошли сначала вдоль южного берега озера, следуя на север. Кувшинов-старший непрерывно вел экскурсию, рассказывая об особенностях Байкала, о рыбе, которая водится здесь, об уникальных свойствах байкальской воды, о проплывающих мимо поселках.

Затем лодка повернула и помчалась точно на север. Берег, от которого они отплыли, скрылся из виду, и теперь гости поняли, почему Байкал называют морем – земли нигде не было видно.

Спустя два часа впереди показались зеленые вершины сопок.

– Это остров Ольхон, самый большой остров на Байкале! – возвестил Кувшинов. – А теперь мы повернем назад, и вы увидите незабываемое зрелище – горные вершины Хамар-Дабана, окрашенные закатом!

Действительно, спустя час из воды на юге стали выступать скалы. На некоторых из них лежал снег. В лучах заходящего солнца он окрасился в розовые, затем алые, а потом в багряные тона.

– Так вот почему ты задумал эту экскурсию вечером! – обратился Гуров к Кувшинову. – Чтобы показать нам горы во всем великолепии...

– Ты угадал! – смеясь, ответил хозяин. – Так сказать, показать товар лицом!

После прогулки последовало приглашение в сауну. Она у Кувшинова была отделана по последнему слову банной техники. Но главный прикол состоял в том, что гости, распаренные и разомлевшие от жары, могли выскочить из сауны и окунуться в заливчик с байкальской водой, специально оборудованный и отгороженный сеткой от остального озера. Вода, как и везде в Байкале, была ледяная, так что контраст получался впечатляющим.

Ну, а после бани последовали в столовую, где гостей ждал праздничный ужин. Тут уж кухарка Таня расстаралась на славу: на столе было и жаркое из рябчика, и различные блюда из сига и омуля, и грибы во всех видах, и другие закуски.

– Ну, первый пункт твоей программы, Константин, прошел на отлично! – заключил банкир Саенко, когда разлили по стопкам «по третьей». – Если так будет и дальше, то эта неделя пройдет – мы и заметить не успеем. Даже отдохнуть не удастся...

– Что ты хочешь этим сказать? – насторожился Кувшинов.

– Но ты же знаешь, что для меня лучший отдых – это возможность посидеть за полночь, распisać пульку, – объяснил банкир. – Без преферанса для меня отдыха не существует!

– Ох, уж этот твой преферанс! – воскликнула Настя Саенко. – Помню, приехали мы в Патайю. Замечательный отель, океан, пляж, песок белый... Смотрю, уже на вторые сутки мой муж начинает тосковать. Смотрит на все это великолепие как-то косо и заводит разговоры с отдыхающими – причем исключительно с мужчинами. А уже на следующий день они засели в курительной комнате – там в отеле имелась такая специальная комната для курильщиков – и начали расписывать свою пульку...

– И что, больше вы мужа до конца отдыха не видели? – поинтересовался Гуров.

– Ну, нет, не совсем, – улыбнулась Настя. (Гуров отметил, что улыбка у нее очень милая.) – За два дня до конца путевки муж очнулся от своей «карточной спячки», выполз из этой курительной комнаты...

– ...и спросил: «А что, тут еще и море есть?» – под общий хохот закончил за нее Кувшинов.

– Да, примерно так, – кивнула Настя. – Мы даже успели съездить еще на одну экскурсию, в заброшенный город. Там было так красиво!

– Так ты должна была радоваться, что у тебя муж такой занятой! – заметила Елена Кувшинова, жена Виталия. – Можно было провести это время с пользой. Познакомиться с каким-нибудь интересным мужчинкой... – И она улыбнулась с таким видом, что всем стало понятно, что она бы использовала предоставленную возможность именно таким образом.

– Нет, я ни с кем не познакомилась, – смеясь, ответила Настя. – Разве что с одним старым буддийским монахом. Мы с ним разговорились...

– Странное знакомство для молодой женщины! – заметила Ксения. – Какая польза от стариков, тем более от монахов?

– Хватит подкалывать мою жену, – шутливо, но в то же время твердо произнес Сергей Саенко. – У нас с Настей полное взаимопонимание и доверие. Правда, золотце? – И он нежно обнял жену, а она прильнула к нему. Гуров отметил, как при этом скривилось лицо Ксении.

На следующее утро Кувшинов повел Гурова на вертолетную площадку – показывать машину. Здесь же был и механик Борис Бабченко. Он сел в кресло второго пилота, Гуров занял место за штурвалом, задал механику несколько вопросов, на которые тот быстро и точно ответил.

– Ну все, можно лететь, – заявил Лев, через несколько минут спустившись на землю. – Машина мне в общих чертах знакома. Хотя это французская модель, а я до сих пор летал в основном на наших, но отличия небольшие.

– Что ж, сразу после завтрака и полетите! – бодро заключил Кувшинов. – Пошли, Борис, тоже с нами позавтракаешь.

– Нет, я тут останусь, – ответил механик. – После поем.

– А что так? – удивился Кувшинов. – Ты, я знаю, в вопросах еды человек пунктуальный, у тебя все по расписанию.

– Я лучше за машиной пригляжу. Дозаправлю, если надо, масло проверю. Потом, если в полете что случится, с кого спросят в первую очередь? С меня. Так что я лучше тут побуду.

– Да что же может случиться? – удивился Кувшинов. – Ты что, Льву Ивановичу не доверяешь?

– Почему же, я вижу, что человек опытный. Но все равно лучше я здесь останусь.

Кувшинов только пожал плечами, и они вместе с Гуровым вернулись в дом. К этому времени все отдыхающие уже встали и начали стягиваться в столовую.

– Ах, как я вам завидую! – сказала Ирина Кувшинова, когда Таня подала завтрак, и все приступили к еде. – Шумак! Я дважды была в этом замечательном месте, и у меня остались самые чудесные воспоминания!

– Ну, не так уж там чудесно, – заметила ее дочь. – Куча ручейков, между которыми бегают толпа идиотов с выражением крайнего энтузиазма. И еще комары и мошка.

– Чего же ты тогда летишь? – спросила мать.

– Польза для здоровья там определенная есть, это отрицать нельзя, – ответила Ксения. – Вот за этим и лечу.

– Хорошо, вот увидим своими глазами, тогда и оценим, – примиряюще проговорил Гуров.

– Что-то у меня сегодня нет аппетита. – Виталий Кувшинов отодвинул тарелку и встал из-за стола. – Пойду, погуляю по берегу. Побеседую с нашим механиком насчет катера...

– Не беседуешь, – сказал отец. – Борис остался у вертолета. Хочет еще раз все проверить перед отлетом.

– Вот как? – удивился Виталий. – Ну, значит, поговорю с ним позже...

Кувшинов-старший попросил Таню собрать им в дорогу «сухой паек», и теперь она вручила Гурову, как пилоту, объемистый пакет с разнообразной снедью.

– Это вам на весь день, – объяснил хозяин. – Вернетесь вы только поздно вечером. И лучше отправиться прямо сейчас.

Впрочем, никто и не собирался медлить, так что спустя несколько минут они снова встретились возле вертолета. Борис Бабченко, как и обещал, был здесь: что-то подвинчивал, протирали. Увидев участников экспедиции, он, не говоря ни слова, развернулся и пошел в усадьбу.

Гуров забрался в кресло пилота, Кувшинов сел рядом с ним, остальные участники экспедиции сели позади, и винтокрылая машина поднялась в воздух.

Когда вертолет набрал нужную высоту, Гуров взглянул на лежавшую перед ним карту и выбрал курс. Они шли на юго-запад, пересекая горные хребты. Проплыла внизу серебристая лента Селенги, потом пошли каменные отроги Хамар-Дабана.

– Сколько нам лететь? – поинтересовалась Настя Саенко.

– Если я правильно прочитал карту, около двух часов, – перекрывая шум винтов, ответил Кривобоков. – Может, чуть больше – это как Лев Иванович вести будет.

Гуров никогда не относил себя к асам летного дела. Но, как видно, управлял он вертолетом достаточно уверенно, потому что спустя два часа Ксения, неотрывно смотревшая вниз, воскликнула:

– Вот он! Прилетели!

Гуров тоже взглянул вниз и увидел видневшиеся среди тайги крыши избушек, и чуть в стороне – расчищенную площадку, предназначенную, очевидно, для посадки вертолетов.

Посадка прошла как обычно, и вскоре все шесть человек спустились на землю и стали озиаться. Ксения в отсутствие отца действительно взяла на себя роль гида.

– Вон там жилые избы, – объясняла она. – А там, правее, долина целебных источников – главное, чем славится Шумак. Вон там, позади нас, баня. Она находится прямо на берегу реки Китой. А чуть подальше – родонозная купальня.

– Что, правда родонозная? – с недоверием произнесла Лена.

– Да, ученые проверяли, уровень родона достаточно высокий, – заверила Ксения. – Поэтому находиться в этой воде долго нельзя. Ну, подробности я потом объясню. А пока пойдёмте, все внимательно осмотрим.

Они поднялись на склон холма и подошли к первой избе. Выглядела она как нежилая – никого не было видно.

– И где же обитатели? – спросил Кривобоков. – Может, тут и нет никого? Курорт закрыт?

– Шумак не может быть закрыт, – назидательно произнесла Ксения. – Это же народный курорт! Просто сейчас в этой избе никого нет, она не занята.

– А что, здесь избы занимают кто хочет? – удивилась Настя.

– Да, первая группа, которая подойдет... – начала объяснять Ксения и вдруг оборвала сама себя: – Да вот, смотрите!

Послышались голоса, и из-за деревьев показалась группа людей с рюкзаками. Гуров насчитал восемь человек взрослых и троих детей в возрасте от семи до одиннадцати лет. Один из взрослых, видимо, руководитель, человек опытный, подошел к избе, заглянул внутрь и громко провозгласил:

– Эта свободна! Складываем рюкзаки у входа. Проведем небольшую уборку, потом можно будет располагаться – и на источники!

– Папа, а пойдём сразу на источники! – потребовала девочка лет девяти.

– Нет, сначала дело надо сделать, – твердо ответил отец. – Да ты не бойся, уборка – это недолго. Тут принято, когда уходят, убирать за собой, так что нам совсем немного времени потребуется.

Туристы последовали его указанию и занялись уборкой помещения. А пассажиры вертолета двинулись дальше.

– А кому они платить будут? – продолжала допытываться Настя.

– За что платить? – уточнила Ксения.

– Ну, за проживание, и вообще... Так сказать, курортный сбор.

– Никаких сборов здесь нет, – усмехнулась Ксения. – И платы за проживание тоже.

– А кто же строит эти избы? Ремонтирует? Тут же наверняка надо крыши чинить...

– Сами туристы и ремонтируют. Те, кто приезжает сюда надолго. Ведь тут как? Большинство приходят дня на два-три, но есть такие, кто страдает от какого-то заболевания и приезжает в эти места лечиться. Те живут тут по месяцу и дольше. Вот они и строят новые избы, ремонтируют старые. Зачастую это местные жители из Иркутска, Бурятии.

– А как они сюда попадают?

– Большинство пешком – или через перевал Шумак, или вдоль Китоя. А немногие, как и мы, – на вертолетах. Ну, вот мы и пришли в главное место на курорте – долину целебных источников.

С этими словами Ксения указала на некрутой спуск по склону холма. В конце спуска виднелась темная скала, возле нее стояли два человека со стаканами в руках. А на верхушке скалы что-то мерцало и переливалось, но Гуров не мог разглядеть, что именно. Пока приехавшие подошли туда, люди со стаканами уже двинулись дальше.

Лев увидел, что из-под скалы течет довольно бойкий ручеек прозрачной воды. На камне прямо над ручьем кто-то старательно вывел масляной краской: «От почек». Рядом, более корявым почерком, было добавлено: «И от печени». Разглядел он и ту вещь, что была прикреплена на вершине скалы и привлекла его внимание. Это был круг с лопастями – нечто вроде маленькой мельницы. От ветра «мельница» вращалась и блестела на солнце. А еще Гуров заметил, что все кусты возле источника завешаны разноцветными лентами – красными, желтыми, голубыми.

– Вот вам первый из источников Шумака, – торжественно провозгласила Ксения. – Тут их много, я уже и забыла, сколько точно, кажется, больше двухсот.

– А что это за ленточки? – любопытствовала Настя.

– Приношения духам этого места от людей, ждущих исцеления. И разного рода амулеты, тоже из этой категории. Ленточки обычно вешают буряты, ведь они буддисты. А амулеты приносят наши, русские. Амулеты бывают очень необычные, вы увидите.

Они двинулись дальше и за поворотом увидели сразу три источника. Над одним было написано «От сердца», на другом – «От суставов», над третьим – «От нервов». Над тем, что «От сердца», крутились сразу три мельницы, еще там был закрепленный на шесте крохотный самолетик – он вращался вокруг своей оси, а на скале в разных местах были закреплены вырезанные из кварца или другого поделочного камня сердца. Над «суставами» тоже имелась мельница, а над «нервами» – две. И везде на кустах висели ленты. Источники журчали, мельницы жужжали, ленты колыхались на ветру, и все вместе создавало совершенно особое, неповторимое впечатление.

– Как здесь красиво! – воскликнула Настя. – Так и хочется тут остаться, никуда не ходить. Можно, я тут посижу?

– Можно и посидеть, – разрешила Ксения. – Но тут не только красиво, но еще и полезно. Вот, разбирайте стаканы, набирайте воду, кому какая нравится.

Она раздала принесенные с собой пластиковые стаканчики и сама первая набрала полный стакан воды из источника «От нервов».

Гуров тоже зачерпнул из «нервов» – не потому, что страдал от нервных расстройств, а просто этот источник был ближе к нему. Вода оказалась совсем не ледяной, как он ожидал,

а прохладной, в ней чувствовался отчетливый вкус какой-то соли. Он попробовал «сердце» – оно было немного холоднее, и вкус другой.

– Неужели у каждого источника свой состав? – удивился он.

– Представьте себе, да, – ответила Ксения. – Я где-то читала, что ученые изучали здешние источники. Точного текста не помню, но, кажется, они согласились, что все они носят целебный характер, и все – разные.

– А целебные они именно от тех болезней, что здесь написаны? – деловито спросил банкир Саенко.

– Ну, эти определения на совести посетителей, – пожала плечами Ксения. – Никто не знает, кто их нанес. Но в целом, я думаю, что-то в этом есть. Ну что, пошли дальше? Тут их еще много...

– Вы идите, а я немного здесь посижу, – сказала Настя. Она присела на нагретый солнцем камень, закрыла глаза и подставила лицо солнцу. – Здесь так хорошо...

– Может, мне с тобой остаться, золотце? – предложил банкир.

– Нет, Сережа, ты иди. Тут очень спокойно, и со мной ничего не случится. Я вас потом догоню.

Саенко пожал плечами, и группа двинулась дальше.

– Может, зря я ее одну оставил? – обратился банкир к Гурову, как к самому авторитетному, когда источники скрылись за поворотом. – Ее там никто не обидит? Люди ведь разные бывают...

– Люди, конечно, разные, но Настю точно никто не обидит, – ответил Лев. – Я читал об этом курорте. Откровенные негодяи сюда не попадают. Во-первых, добраться трудно. А во-вторых, здешнее место так действует, что ли... В общем, я не слышал ни об одном случае какого-то криминала на Шумаке.

Саенко все еще тревожился, но за поворотом открылась группа сразу из четырех источников, причем возле одного имелась вырытая в камнях ванна, в которой в прозрачной воде нежился совершенно голый мужчина лет сорока. Лену Кувшинову это совершенно не смутило, она только хихикнула. А Ксения его, похоже, даже не заметила.

Они шли по удивительной долине уже полчаса, и Сергей Саенко вновь начал тревожиться за жену и оглядываться назад, но тут вдруг Настя появилась откуда-то сбоку, с другой тропинки.

– Ну вот, я вас и догнала! – весело воскликнула она. – Я спросила у местных, и они показали мне короткую дорогу.

– Значит, ты пропустила самое интересное, что здесь имеется, – с серьезным видом сообщил ей банкир.

– Что же это такое? – спросила Настя.

– Голый мужик в ванне!

– Ну, меня голыми мужиками не удивишь! – заявила Настя, рассмеявшись. – Ведь я вроде как за тобой замужем.

Банкир Саенко не нашелся что ответить и под общий смех растерянно развел руками.

Глава 3

После долины источников Ксения повела их еще в родоновую ванну, где предложила каждому по три-пять минут понежиться в целительных водах. Поскольку никто не захватил купальных костюмов, решено было принимать ванну раздельно, пропустив вначале дам.

Когда настала очередь мужчин, и Гуров погрузился в слегка пенящуюся воду купальни, он ощутил какое-то покалывание в теле. Вода была явно не простая.

После купальни осмотрели местную баню, побродили по берегу Китою и, наконец, собрались лететь обратно.

Когда они уже садились в вертолет, Гуров обратил внимание на то, что небо немного изменило свой цвет, стало каким-то тусклым. А еще он заметил небольшие облачка характерной формы, плывшие высоко в синеве.

– Смотри, Павел, видишь вон те облака? – сказал он Кривобокову.

– Вижу, ну и что?

– А то, что это облака не простые, а перистые. Они, по всем приметам, обещают перемену погоды.

– Что ж, пусть будет перемена – с просто хорошей на вовсе отличную! – ответил криминалист.

Гуров на это только пожал плечами и завел мотор.

Пока летели обратно, путешественники налегли на приготовленный Татьяной «сухой паек» и термос с чаем, а насытившись, принялись, перекрикивая рев двигателя, делиться впечатлениями от увиденного. Каждый рассказывал о том, что его больше всего впечатлило. Кто говорил о смешных надписях на камнях, типа «От костей» или «От головы», кто – о вертящихся на шестах самолетиках, о макетах домов, о портретах людей, укрепленных на скалах, кто – о впечатлениях от посещения родоновой ванны.

На посадочной площадке их встречали механик Борис и оба Кувшинова – старший и младший.

– Ну, как? – спросил Виталий у своей жены, помогая ей выйти из вертолета.

– Так, ничего, в общем, прикольно, – ответила Лена. – Особенно скучно не было.

– А остальные что скажут? – спросил Кувшинов-отец.

– Замечательное место! – с чувством произнесла Настя. – Нам с Сережей очень понравилось.

– Ну вот, а завтра отправимся на Байкал, омуля ловить, – воскликнул Константин Геннадьевич, довольный таким отзывом. – Я тут попросил Бориса приготовить всю снасть, какая необходима. Там тоже будут незабываемые впечатления, я это обещаю!

Обещание было воспринято с энтузиазмом.

После поездки все первым делом отправились к столу, и там, за едой, участники экспедиции вновь делились своими впечатлениями – теперь уже с теми, кто не ездил. После ужина хозяин предложил всем пойти погулять по тайге.

– Я вчера этот выход планировал, но мы его заменили прогулкой по Байкалу, – сказал он. – Наверстаем упущенное теперь. Далеко заходить не будем – так, чуть-чуть пройдем по тропе. Но надо же вам окунуться в мир тайги!

– Да, это интересно, – согласилась Настя Саенко. – Только я хотела бы сначала открыть свой ноут, отправить письмо подруге, рассказать об увиденном и пару фоток добавить. Я быстро, минут за пятнадцать обернусь.

– Извини, Настенька, но у тебя, скорее всего, ничего не получится, – с сожалением произнес хозяин поместья. – Это ты, наверное, на крыше тарелку увидела и решила, что тут у меня, как в Москве. К сожалению, нет. Связь здесь есть, но крайне неустойчивая. И мобиль-

ные не работают, и телевизор принимает только главные каналы, которые есть в поселке. Видишь ли, все ретрансляторы очень далеко отсюда.

– Так что же, тут вообще никакой связи с внешним миром нет? – спросил Кривобоков.

– Почему, есть, – ответил Кувшинов. – У меня есть спутниковый телефон, в случае нужды, и по нему можно связаться. И ты, Настя, можешь попробовать отправить свое письмо по Интернету. Возможно, тебе повезет. Но скорее всего, нет.

– Ладно, я все же попробую, – сказала Настя и отправилась наверх, в свою комнату.

Гуров решил выйти на веранду, выкурить вторую за день сигарету – больше он себе не разрешал. Вслед за ним отправились и Кувшинов с Кривобоковым.

– Ну, как тебе поездка, Лев? – спросил хозяин, раскуривая толстую сигару. – Я смотрю, ты за столом больше отмалчивался. Что, или не понравилось?

– Очень понравилось, – улыбнулся Гуров. – А что молчал – ты же знаешь, я не оратор. А вот скажи: этот твой механик Борис всегда такой подозрительный? Меня удивило, что он торчал возле вертолета до самого нашего появления.

– Да я сам немного удивился, – признался Кувшинов. – Он мужик ответственный, но раньше так себя не вел. Не знаю, что это на него нашло.

Они поговорили еще немного о том, как бывает изменчиво человеческое поведение, о необъяснимых поступках, и тут на террасу вышли супруги Саенко. У Насти был удрученный вид.

– Вы оказались правы, – сказала она, обращаясь к Кувшинову. – Мне так и не удалось связаться с Ольгой. И фотки не отправила. Так жалко!

– Да я ее утешаю, говорю, вернешься в Иркутск, сразу все отправишь! – вмешался банкир. – И все впечатления передашь при личной встрече. Это гораздо лучше, чем в Твиттере!

– Так-то оно так, но... – вздохнула Настя.

Когда собрались все остальные, Константин Кувшинов объявил, что можно отправляться, и компания двинулась к воротам.

– Я смотрю, Константин, забор тут у тебя капитальный, – сказал Кривобоков, оглядев двухметровую сплошную изгородь из профиля, окружавшую поместье Кувшинова. – Воров, что ли, опасаясь?

– Воров тут быть не может, неоткуда взяться. А вот четвероногие гости могут наведаться. Волки, лисы... Да и Михайло Потапыч, если голодный, вдруг может забрести. Все-таки тайга.

От ворот узкая тропка вела вверх, в сопки. Уже через несколько шагов над ними сомкнулся зеленый свод леса. Мохнатые еловые лапы загораживали тропу, и приходилось отодвигать их в сторону.

– Тропа тут какая-то условная, – заметил Кривобоков. – Такое впечатление, что ходят по ней нечасто.

– Тут ты прав, – ответил Кувшинов. – Я здесь живу наездами, тогда и Татьяну, и Бориса с собой привожу, и гостей. Когда нас нет, дом стоит пустой. Иногда из Заречья приходит человек, смотрит, что да как, я с ним на этот счет договорился. А я здесь в основном занимаюсь рыбалкой. В тайгу хожу реже и больше чем на километр не захожу. Вот тропа и хилая.

Они прошли еще несколько шагов, вдыхая запахи тайги, как Настя вдруг вскрикнула:

– Смотрите, кто это?

Впереди через тропу метнулось пушистое полосатое тело и скрылось у корней могучей ели.

– А, это бурундук, – засмеялся Кувшинов. – Ничего особенного, их тут много. А вот это встречается реже, хотя тоже достаточно часто. Смотрите, любуйтесь!

И он показал на что-то на тропе. Все подошли, встали кругом. На мягкой земле отчетливо выделялся след огромной вытянутой лапы с огромными когтями.

– Наш хозяин тайги медведь оставил, – пояснил Кувшинов. – Сейчас, летом, встреча с ним опасности не сулит, поэтому мы и не взяли с собой карабин. Хотя надо знать, как себя вести, если такая встреча все же состоится.

– И как же? – спросила Настя.

– Прежде всего – сохранять спокойствие. Ни в коем случае не убегать. Не махать руками. Не кричать, надеясь испугать зверя, вместо этого можно его рассердить. Лучше всего просто стоять на месте. Зверь поймет, что ты не посягаешь на его территорию, и уйдет. Мне не раз приходилось встречаться с косолапым, и каждый раз он уходил.

Они прошли еще немного, причем Константин Геннадьевич не преминул обратить их внимание на двух рябчиков, взлетевших с высокой ели, и повернули обратно. Поспешили это сделать еще и потому, что внезапно поднялся ветер, на небо напоззли тучи, в тайге резко потемнело, и стало холодно.

– Похоже, погода портится, – заметил Саенко.

– Ну, на Байкале погода часто к вечеру портится, – сказал Кувшинов. – Будем все же надеяться, что завтра она будет отличной, как и обещали метеорологи вместе с Виталей.

– Обещали-обещали! – заверил Кувшинов-младший.

Однако к ночи ветер усилился и стал похожим на ураган. А ночью Гурова, спавшего хоть и крепко, но чутко, разбудил оглушительный раскат грома и последовавший за ним равномерный сильный шум. Выглянув в окно, он различил в темноте мотавшиеся под сильным ветром верхушки деревьев и лившиеся с неба потоки дождя. «Кажется, на омуля мы сегодня не выйдем, – подумал Лев, забираясь обратно под одеяло. – Вот будет радость для Сергея Саенко!»

Так все и вышло. Проснувшись утром, он увидел ту же картину: все вокруг скрывала стена дождя, ветер дул с прежней силой. С гор текли мутные потоки, которые скатывались в озеро по бетонным канавам, окружавшим усадьбу. Сейчас Гуров оценил предусмотрительность строителей, которые возвели дом и прилегавшие постройки на возвышенности и окружили их системой стоков.

За завтраком вначале царило уныние: Константин Кувшинов сетовал на непогоду и выговаривал сыну за неточный прогноз, а тот оправдывался переменчивостью байкальского климата. Криминалист Кривобоков тоже выглядел расстроенным: он никогда не ловил знаменитого байкальского омуля, и теперь вожденная добыча уходила из рук.

Но постепенно атмосфера за столом разрядилась. Этому в первую очередь способствовал Саенко, который откровенно радовался предстоящей возможности посидеть за карточным столом и расписать заветную пульку. Он сразу, как только появился в столовой, стал расспрашивать всех присутствующих на предмет их возможного участия в игре. Выяснилось, что, кроме него, энтузиастом преферанса, хотя и не таким страстным, является Кувшинов-младший, а также, как ни странно, его мать, Ирина Валерьевна.

– А что вы удивляетесь? – усмехнулась она, заметив его удивленный взгляд. – Думаете, женщины не способны постичь всех тонкостей этой игры?

– Тут дело не в тонкостях, Ирина Валерьевна. Тут ведь очень много запоминать надо: какие карты вышли, кто как ходил... Вот с этим возникают проблемы...

– Да, возможно, у нас, женщин, память не такая объемистая, как у мужчин. Она больше похожа не на мешок, куда складывают всякую рухлядь, а на изящную сумочку. Но мы заменяем механическую память своей интуицией, знанием мужской психологии. Поверьте, мне приходилось играть с очень опытными партнерами, и ни разу я не слышала упреков, что пропустила что-то важное или допустила грубую ошибку.

– Что ж, я не против, совсем не против, – заявил Саенко. – Но не хватает четвертого. Конечно, можно расписать и втроем, но на четверых все же лучше... Может быть, Лев Иванович составит нам компанию? В конце концов, такая игра, как преферанс, чем-то сродни сыску...

– Может, и сродни, – согласился Лев. – Я такую мысль не раз слышал и потому научился играть. Оно в оперативной работе иногда действительно помогает. Но любви к этому занятию у меня нет, так что я уклонюсь.

– Ладно, тогда я составлю вам компанию, – сказал Кривобоков. – Если нельзя ловить омуля, буду ловить удачу!

– Вот и отлично! – заключил Саенко, потирая руки от удовольствия. – Сразу после завтрака и начнем. А где нам сесть? – повернулся он к хозяину. – Может, лучше в гостиной?

– Можно в гостиной, – кивнул тот. – Но там у меня киноустановка, так что гостиная может служить кинозалом. Может, те, кто не играет, захотят фильм посмотреть? У меня большая коллекция.

– А «Семнадцать мгновений весны» есть? – поинтересовался Гуров.

– Конечно, что за разговор! – воскликнул Кувшинов. – И «Семнадцать мгновений», и «Ирония судьбы», и «Бриллиантовая рука». Кроме того, почти все фильмы с участием Клинта Иствуда, сериал про адвоката Перри Мейсона...

– А новые? – заинтересовалась Настя.

– И новые есть, – ответила за отца его дочь Ксения. – И «Аватар», и «Хоббит», и наши сериалы...

– Ну, тогда от скуки мы не умрем, – облегченно вздохнула Настя.

– Да, но где же тогда играть? – продолжал гнуть свою линию Саенко.

– А у меня специальная комната для этого есть, – с гордостью заявил Кувшинов. – Называется курительная, или малая гостиная.

– Пойдемте, я вам покажу, – сказала Ирина Валерьевна. – А ты, Костя, распорядись, чтобы Таня подала нам туда кофе и виски.

– А мне чаю, если можно, – попросил Кривобоков. – Я кофе не очень люблю.

– Чай, кофе, сигары – все, что угодно, – сделал широкий жест Кувшинов. – Но все же я надеюсь, что все эти комнатные забавы продлятся недолго.

– Конечно, иначе и быть не может! – поддержал отца Виталий. – Ну, не мог я так сильно ошибиться с прогнозом! Байкальская погода переменчива. Сегодня польет, а завтра, глядишь, и солнышко выйдет. Никуда от нас не уйдут ни омуль, ни хариус. Я лично поведу катер и покажу вам самые рыбные места!

– Ой, Виталик, не хвастай, ты не такой большой знаток Байкала, чтобы знать рыбные места! – со смехом сказала его жена.

– Я достаточно их знаю! – возразил ей Виталий. – Так что я поведу!

Четверо игроков встали из-за стола, чтобы удалиться в малую гостиную. С ними пошла и Лена, объяснив, что ей всегда интересно смотреть, как играет муж.

– И потом, надо же следить, чтобы он не проиграл слишком много, – добавила она то ли в шутку, то ли всерьез.

Когда они выходили, Гуров оглянулся и увидел, что в дверном проеме, ведущем на кухню, стоит механик Борис Бабченко. Что он здесь делал, было непонятно – кажется, просто слушал, о чем говорят. Заметив направленный на него взгляд, он повернулся и вновь скрылся на кухне.

А Гуров в сопровождении Насти отправился в гостиную. Ксения вызвалась идти с ними, но только чтобы включить киноустановку и научить с ней обращаться.

– Сама я смотреть ничего не хочу, – сказала она. – Пойду к себе, музыку послушаю.

Что касается хозяина дома, то он заявил, что поднимется к себе в кабинет и будет работать с бумагами.

– Есть кое-какие документы, которые надо изучить. Я все откладывал, времени на это не было. Теперь вот наверстаю.

Гуров вместе с двумя девушками вошел в гостиную. Ксения открыла вделанный в одно из кресел пульт и с его помощью закрыла окна шторами. С потолка на одну из стен опустился огромный – почти как в кинотеатре – экран.

– Ну, что будете смотреть? – спросила она, подняв голову от пульта.

Сам Гуров всем фильмам на свете предпочитал вечную драму про подвиги разведчика Исаева – Штирлица. Настя решила уступить Гурову, хотя смотреть про войну ей совсем не хотелось. Гуров тоже проявил готовность уступить. В конце концов, они сошлись на сериале про Перри Мейсона, и Ксения отыскала фильм, где завязка держалась на любовной интриге. Она включила кнопку «Просмотр», погасила свет и удалилась.

Гуров сидел в мягком кресле, вполглаза следил за действиями знаменитого адвоката, защитника несправедливо обвиненных, и наслаждался чувством покоя. «Может, и хорошо, что пошел дождь, – размышлял он. – Ну, не поймаю я знаменитого омуля, и что с того? В конце концов, рыбак я никакой. Зато как хорошо здесь отдыхается! Прав Константин – здесь мои оперативные таланты не потребуются».

Глава 4

Просмотр кино Гуров выдержал полтора часа, потом ему надоело. Настя осталась смотреть, заявив, что уж теперь переключится на свою любимую «Кухню» и вдоволь посмеется. А Гуров надел дождевик и вышел наружу.

Судя по всему, буря и не собиралась стихать. «Может, байкальская погода и переменчива, – подумал Гуров, плотнее закутываясь в плащ, – но в данный момент она меняется только в одну сторону: на усиление урагана». Ветер гнал по небу темные низкие тучи. Дождь иногда немного стихал, но не дольше, чем на полчаса, а потом принимался с новой силой.

Лев погулял по веранде, а когда дождь ненадолго стих, решил спуститься к озеру и не спеша направился к причалу. Он был уверен, что никого здесь не застанет, однако ошибся: возле катеров находился какой-то человек. В дождевиках все выглядят одинаково, поэтому Гуров не мог определить, кто это. «Виталий, который грозил нас вывезти на рыбные места, тут быть не может, – подумал он, – сидит сейчас за преферансом. Наверное, это Костя пришел проведать свои плавсредства».

Спускаться к самим катерам ему не хотелось, да и нужды такой не было, поэтому он остался стоять на средней площадке лестницы, ведущей к причалу, осматривая небо и берег. Между тем человек, возившийся у катеров, закончил осмотр, захлопнул крышку двигательного отсека большого катера, тщательно закрыл ее и стал подниматься вверх, к дому. Когда он повернулся, Гуров смог убедиться, что он снова ошибся: это был не Кувшинов, а механик Борис Бабченко.

– Что, всерьез готовишься завтра выйти на рыбалку? Мотор проверяешь? – сказал Лев, когда механик поравнялся с ним.

Борис искоса взглянул на него, остановился и, немного помолчав, ответил:

– Про рыбалку не знаю, а проверить надо. И мотор, и остальное.

– Любишь, чтобы у тебя все всегда было в порядке?

– И это тоже, – кивнул Бабченко.

Что-то в его словах – вернее, в том, как они были сказаны, – привлекло внимание Гурова. Словно механик намекал на какое-то другое обстоятельство, которое было ему известно.

– Если говоришь «тоже», значит, есть и другая причина, – заключил он. – Давай говори. Чего ты вчера возле вертолета на вахту встал? И почему сейчас от лодок не отходишь?

– Насчет вертолета... Я еще вчера хотел сказать, да случая не было. Тут вот что было. Я за техникой всегда слежу, это вы угадали. Люблю, чтобы у меня все было в порядке. И вчера стал осматривать вертолет просто так, для порядка. И вдруг вижу: патрубок, который подводит керосин к двигателю, на честном слове держится. Чуть тряхнет машину – и слетит. И тогда весь керосин, что насос качает, польется мимо.

– И мотор заглохнет... – закончил за него Гуров.

– Само собой! – согласился механик. – Я стал смотреть, как такое могло случиться, и увидел, что прижимное кольцо, которое патрубок держит, куда-то подевалось. Вообще нет! И рядом, на земле, нет! Прямо чудеса! За три дня до этого я проверял – все на месте было. А теперь нет.

– А само кольцо слететь не могло? – предположил Лев. – Ну, от износа...

– Какой износ? – возмутился Бабченко. – Ведь я за машиной слежу. Все детали проверяю и, если есть подозрение на износ, тут же заменяю. Нет, само оно слететь не могло. Кто-то его снял.

– Вот оно что... – медленно произнес Гуров. – Значит, ты поэтому вчера возле вертолета стоял.

– Да, поэтому, – ответил механик. – Только я не стоял. Когда вы ушли, я нашел в запаске другое кольцо, закрепил его как следует и на всякий случай проверил все остальные системы. Хотел убедиться, что с вами в полете ничего не случится.

– То есть ты считаешь, что кто-то нарочно снял кольцо, чтобы машина разбилась и мы все погибли?

– А что еще тут можно подумать? – пожал плечами Борис. – Вот смотрите. Кольцо само слететь не могло. Еще неделю назад, когда мы с Татьяной сюда приезжали, готовили усадьбу к приему гостей, я осматривал вертолет. И тогда все было в порядке. Значит, кто-то снял его совсем недавно.

– А кто это мог быть, как ты думаешь?

– Я не знаю, – покачал головой Бабченко. – Я все же не сыщик.

– Может, это сделал кто-то из поселка?

– Теоретически такое могло быть. Но с какой стати?

– Ну, из зависти... Или Кувшинов кому-то дорогу перешел...

– В Заречье? Кому он там мог перейти? – усмехнулся механик. – Нет, не похоже.

– Ладно, зайдем с другой стороны, – предложил Гуров. – Кого из летевших в вертолете хотели убить?

– Ясно кого, – уверенно ответил Бабченко. – Константина Геннадьевича, кого же еще. То, что он не полетел, ведь только в последний момент стало известно, верно?

– Ну, допустим. Тогда скажи, кто из находящихся в усадьбе может желать смерти ее хозяину?

– Не знаю. Не знаю и знать не хочу. В семье Кувшиновых отношения, конечно, сложные, но я в этих тонкостях копать не собираюсь, не мое это дело. Вот я вам все рассказал, вы и разбирайтесь.

– Спасибо за предложение, – с сарказмом проговорил Гуров. – Я сюда вроде как за другим приехал. Отдыхать, рыбу ловить.

– Что ж, ловите рыбу, коли так, – смерил его презрительным взглядом механик. – Только как бы в воде вместо омуля трупик свежий не оказался. А кроме того, вряд ли вам в ближайшую неделю удастся заняться ловлей.

– Это еще почему?

– А потому, что такие ураганы здесь за пару дней не заканчиваются. Эта непогода – она надолго. До конца недели точно под крышей просидите.

– Но Виталий смотрел прогноз...

– Не знаю, чего он там смотрел, только я в этих местах вырос и знаю, как тут все происходит.

– Ну, будем надеяться, что ты все же ошибаешься. И насчет того, что кто-то хотел нас вчера убить, и насчет погоды. Но на всякий случай я тебя попрошу пока что держать свои мысли по поводу затаившегося убийцы при себе. Незачем людей пугать. Особенно женщин. А то впадут в истерику, потребуют их срочно эвакуировать...

– Никому я ничего говорить и не собираюсь, – пробурчал Бабченко. – До сих пор не говорил и дальше не скажу. Вот только вам. Не хотите принять во внимание – ваше дело. А насчет женщин, которые захотят эвакуироваться, – пусть хотят сколько влезет. Пока ураган не кончится, уехать отсюда никому не удастся.

– Как же так? – удивился Гуров. – Вон он, катер, стоит. Он мощный, любую непогоду выдержит.

– Совсем не любую, – покачал головой механик. – Еще несколько часов такой ветрище подует, знаете, какая волна на озере поднимется? Его ведь не зря морем называют, Байкал наш. Прямо океанская будет волна. Не то что катера, рейсовые суда в такой ураган в плаванье не выйдут. Если, конечно, кому-то утонуть захочется – тогда, конечно, пусть плывет.

– То есть совсем нельзя по озеру уехать?

– Нет, если уж совсем припрет, если экстренный какой случай – можно попробовать. Если повезет – можно добраться до Слюдянки или до Листвянки. Но лучше идти вблизи от берега.

– Так ты для этого катера и осматривал? – догадался Гуров. – Чтобы убедиться, что с ними ничего не случилось и в случае чего можно попробовать добраться до людей?

– Ну, в общем, да, – кивнул Бабченко.

– И как результаты осмотра? Ничего не раскурочено, не сорвано?

– Вроде все в порядке. Но ведь катер, как и вертолет, – штука сложная, узлов в нем много. Испортить его можно самыми разными способами.

– Вот, значит, как... – задумчиво произнес Гуров. – На катер надежды особой нет, вертолет тем более нельзя в воздух поднимать... А по суше?

– По суше в поселок только в сухую погоду можно добраться, – заявил Бабченко. – Видите, какие потоки с гор шуруют? И везде так, по всему побережью. Через них не переберешься. Нет, пока что отрезаны мы от внешнего мира. Вроде как на острове.

– Да, на острове... – повторил за ним Лев, обдумывая полученную информацию. – Ты вот что, Борис: ты пока действительно никому об этом не говори, о кольце на патрубке. А я этим делом займусь.

– Вот и хорошо, – сказал механик и, ничего больше не прибавив, продолжил свой путь вверх по лестнице.

Гуров повернулся ему вслед и увидел, как за стеклом веранды мелькнуло чье-то лицо. Кто-то стоял там и смотрел, как они с Бабченко беседуют. Но теперь человек исчез – как будто не хотел, чтобы его заметили.

Глава 5

Расставшись с Борисом Бабченко, Гуров решил подняться в кабинет к хозяину усадьбы и поделиться с ним полученной информацией. «В конце концов, механик прав, – рассуждал он. – Если опасность здесь кому-то и грозит, то в первую очередь Кувшинову-старшему. Надо его предупредить. А заодно и послушать его соображения насчет этой истории с патрубком».

Константина Кувшинова он застал там, где тот и собирался быть – в кабинете. Стол весь был завален бумагами, компьютер включен. Кроме того, была включена настольная лампа, освещавшая стол и хозяина кабинета. Константин Кувшинов, окутанный сигарным дымом, трудился: поглядывая то в одну, то в другую бумагу, он что-то набирал на компьютере.

– Ты, я вижу, трудишься в поте лица, – заметил Гуров, заглядывая в кабинет. – Можно, я тебя ненадолго отвлеку?

– Отвлеки, – охотно отозвался хозяин. – А то я что-то уставать начал. Проходи, садись вот сюда. Коньяк, виски? Или, может, сигару?

– Спасибо, с утра никакой отравы стараюсь не принимать, – ответил Лев.

– Ну, как там просмотр? – спросил Кувшинов. – Нашли что-то увлекательное?

– Да, кое-что увлекательное я нашел, – сказал Гуров, усаживаясь в кресло. – Но не в кинозале, а на пристани.

– А, смотрел на Байкал в непогоду! – воскликнул Константин Геннадьевич. – Да, зрелище впечатляющее. Сколько раз видел, а все насмотреться не могу.

– Зрелище и правда впечатляет, – согласился Гуров. – Но там было и еще кое-что, кроме зрелища. Я разговорился с твоим механиком, и он мне рассказал очень интересные вещи...

И Лев пересказал Кувшинову содержание своей беседы с Борисом Бабченко.

– Вот такую новость я услышал, – закончил он свой рассказ. – Теперь скажи, что ты об этом думаешь. Мог твой механик выдумать всю эту историю с патрубком? Или это правда?

По мере того как Гуров рассказывал, лицо хозяина усадьбы менялось. Благодушная расслабленность из него исчезла, оно стало внимательным и серьезным. И, когда Гуров задал свой вопрос, Константин Геннадьевич серьезно посмотрел на него и ответил:

– Нет, я не думаю, что Борис мог такое выдумать. Зачем ему это? Он у меня работает уже три года, я его достаточно изучил. Он парень угрюмый, с характером, и в личной жизни у него не сложилось – жена от него в прошлом году ушла. Но в целом он человек надежный, основательный. Выдумывать ни с того ни с сего не станет.

– А может, это не просто выдумка, а с расчетом? – предположил Гуров. – Допустим, чтобы придать себе веса в твоих глазах? Или в расчете на награду за бдительность?

– Ну, предполагать можно все, что угодно, – сказал Кувшинов. – Но если говорить серьезно, то я в это не верю. Нет, не станет Борис так выслуживаться, не такой он человек.

– Да, но тогда дело обстоит крайне серьезно, – заметил Лев. – Эта история с патрубком означает, что кто-то хотел тебя убить.

– Да, другого вывода сделать нельзя, – согласился с ним Константин Геннадьевич. – Вопрос только в том, где находится этот человек: здесь, в усадьбе, или в поселке.

– А может, он прячется где-то в тайге?

– В тайге долго не проживешь. Такого урагана ни одна палатка не выдержит. И потом, как питаться? Или надо тащить с собой гору продуктов, или охотиться. Но если бы кто-то неподалеку охотился, мы бы услышали выстрелы. А ничего такого не было. Что касается поселка... Не могу представить, чтобы я мог перейти дорогу кому-то из поселка, разве что это человек приезжий. Приехал из Иркутска специально за тем, чтобы выполнить такое... ну, спецзадание, а потом уехал. Но он должен всем броситься в глаза, и местные мне расскажут. Но в любом слу-

чае если такой киллер и был в Заречье, то сейчас он до нас добраться не может – мы от поселка отрезаны.

– Значит, Бабченко правду говорит, и по суше до ближайшего жилья добраться нельзя? – спросил Гуров.

– Ни до ближайшего, ни до дальнего. И по суше нельзя, и по воздуху. И по воде тоже проблематично. Лично я бы в такую погоду в море не вышел.

– Значит, от внешнего мира мы отрезаны. А как у нас со связью? Ты вроде говорил, что у тебя есть спутниковый телефон?

– Да имеется такая штука, – кивнул Кувшинов. – Вот тут, в столе, у меня лежит.

Он открыл боковой ящик стола, пошарил в нем. Его брови вдруг удивленно поднялись. Он залез в ящик глубже, перебрал все лежавшие в нем бумаги и растерянно произнес:

– Странно, здесь нет... Может, я в другое место положил...

Он начал открывать по очереди все ящики, потом подошел к стене, покрутил ручку, и висевший на стене гобелен поднялся, открыв дверцу сейфа. Кувшинов набрал нужную комбинацию цифр, открыл сейф и заглянул внутрь.

– Здесь тоже нет... Может... Если только я его в дождевике оставил... – Захлопнув сейф, он направился к двери.

Гуров пошел следом за ним, и они вместе спустились в холл, Кувшинов подошел к вешалке, проверил карманы дождевика.

– Нет, и здесь тоже нет. Может, я оставил его в вертолете?

– Вчера у тебя никакого телефона в руках не было, – покачал головой Лев – так что в вертолете ты его оставить не мог. И в бане тоже. И в столовой.

– Но тогда... где же он?

– Наверное, там же, где и вчерашнее кольцо с патрубком.

– Ты хочешь сказать, что его... кто-то забрал?

– А у тебя есть какие-то другие предположения?

Константин Кувшинов несколько раз открывал рот, собираясь что-то сказать, и снова закрывал его. Наконец он произнес:

– Давай вернемся в кабинет. Надо закончить этот разговор.

Они вновь поднялись на второй этаж, так никого и не встретив по дороге, и сели в те же кресла.

– Значит, остается один вывод: тот, кто снял кольцо, а сегодня украл мой телефон, находится здесь, в усадьбе, – сказал Кувшинов. – Это кто-то из своих. Вывод неприятный, но другого сделать нельзя.

– Здоровое рассуждение, – заметил Гуров. – И кого же в таком случае можно подозревать?

– Кого подозревать... Не хочу я никого подозревать. Потому что... Пойми, семейные отношения – это такая тонкая и темная область! Ты живешь и думаешь, что тебя окружают родные, любящие тебя люди. И так продолжается, пока что-то не случится. Но потом вдруг что-то происходит... – Он покачал головой, словно вспоминая что-то неприятное, и замолчал. Молчание затягивалось.

– Так ты ничего не хочешь мне рассказать? – заговорил наконец Лев.

– Ты о чем? – спросил Кувшинов с удивленным видом. Однако Гуров понял, что удивление это – притворное, искусственное.

– Ну, не хочешь – и не надо, – сказал он. – Дело твое. Только имей в виду: опасность, скорее всего, грозит в первую очередь тебе. Так думает твой механик, и я тоже так считаю. Так что, может, поделишься какими-то семейными тайнами? Дальше меня они не пойдут, обещаю.

Но Кувшинов, как видно, уже принял решение:

– Не понимаю, о чем ты. Ты спросил, кого я подозреваю из живущих в усадьбе. Изволь, я отвечу на твой вопрос. Никого – и в то же время всех. Потому что, если покопаться, у каждого

может найтись мотив, чтобы желать смерти кому-то из находящихся рядом. И в число этих подозреваемых надо, между прочим, включить и самого Бориса Бабченко. Кто знает, может, он всю эту историю с якобы исчезнувшим кольцом просто придумал, а сам вынашивает какие-то свои планы...

– Ты же только что говорил, что веришь своему механику, – возразил Гуров.

– Да, говорил! – раздраженно повел плечами Кувшинов. – Но я мог и ошибаться!

Гуров поднялся с кресла. Как видно, разговор был окончен. И этот разговор оставил у него неприятный осадок.

Он уже направился к двери, когда Кувшинов окликнул его:

– Слушай, Лев! Подожди минутку! – И подошел к нему со смущенным видом: – Ты извини, разговор у нас какой-то неправильный вышел. Ну да успеем еще поговорить. Может, тогда я тебе кое-какие вещи расскажу. Наберусь духу и расскажу. А пока... Пока я тебя попросил бы сохранить всю эту историю в тайне. Незачем волновать наших дам. Да и Сергей может упасть в истерику, он человек непривычный к передрягам, не то что мы.

– Ты имеешь в виду историю со снятым кольцом? – уточнил Гуров.

– И с кольцом, и с пропавшим телефоном. Последнюю – особенно. На людей неприятно подействует известие, что у нас фактически утратилась всякая связь с внешним миром. Они могут почувствовать, что оказались... ну, вроде как в западне. Опять же, истерика может начаться.

– Интересная просьба, – заметил Гуров.

– Что же в ней такого уж интересного? – вновь нахмурился хозяин усадьбы. – Обычная просьба.

– Интересно то, что час назад я сам обращался с такой же просьбой к твоему механику, – ответил Лев. – То есть первое, что делает человек, узнавший о каких-то неприглядных делах в поместье, – это старается засекретить информацию. Впрочем, ты прав: ничего необычного в этом нет, а мне такое желание знакомо. Хорошо, я никого волновать не буду.

– И еще одно, – добавил Кувшинов. – Говорить об этом не надо, а вот последить внимательно за происходящим, наверное, стоит. Как ты думаешь?

– То есть ты предлагаешь мне начать расследование этих загадочных исчезновений?

– Ну, расследование – это слишком громко сказано, – замялся Кувшинов. – Просто я хочу, чтобы ты был внимателен. Ты, с твоим опытом, можешь заметить вещи, на которые я никогда не обращаю внимания. Все же за последние годы, после ухода из милиции, я многие навыки, к сожалению, утратил.

– Хочу тебе напомнить, что совсем недавно, еще и двух суток не прошло, ты меня убеждал, что мне с моими оперативными навыками здесь делать нечего, – слегка улыбнулся Гуров. – И вот теперь просишь пустить их в ход... Что ж, как видно, вновь мне не удастся отдохнуть.

Глава 6

Когда Гуров спустился в гостиную, он застал там Лену, жену Виталия Кувшинова. Она бесцельно бродила вдоль полок, разглядывая выставленные на них статуэтки, огромные морские раковины, фигурки из венецианского стекла и другие вещицы, привезенные хозяином усадьбы из зарубежных поездок.

– Что, надоело следить за игрой? – спросил Лев.

– Да мне никогда за ней не было интересно следить, – ответила Лена.

– Зачем же в таком случае пошли? – удивился сыщик.

– Ну... – Женщина замялась, потом пожала плечами и призналась: – Есть у нас некоторые проблемы с Виталием. Он... как бы это сказать... увлекается во время игры.

– Слишком азартный, да? – догадался Лев.

– Ну да. Иногда проигрывает... довольно много. Но здесь, как я поняла, это не грозит. Сережа Саенко – игрок хороший, но человек не жадный и не будет стараться обобрать партнера по игре как липку.

– Это верно, – послышался еще один голос, и они увидели подходящую к ним Настю. – Сережа вообще играет не ради выигрыша, а исключительно ради самого процесса игры, – заявила она. – Хотя мог бы выигрывать много – он исключительно умелый игрок.

– Ну да, они с вашим другом... – кажется, его зовут Павел Петрович? – они вдвоем составили отличную пару. Не то что мой муж с Ириной Валерьевной, – сказала Лена. – А ты что бросила свой кинозал? Надоело?

– Ну да, сколько можно! Чем бы еще заняться?

– Можно выйти и погулять по веранде, – предложил Гуров. – Она укрыта от дождя, а воздух свежий.

– Отличная идея! – одобрила Настя. Она подошла к окну, выглянула наружу и воскликнула: – Слушайте, а дождь почти кончился! Так, отдельные капли. Можно и в тайгу пройтись.

– Ты, Анастасия, прямо как медведь, – заметила Лена. – При первой возможности – сразу в тайгу.

– А что тут сидеть в четырех стенах? – пожала плечами Настя. – Успеем еще насидеться. Я же говорила, когда мы еще с Виталием спорили: я своими глазами смотрела прогноз, и там обещали ураган. Так что это надолго. В общем, вы как хотите, а я пойду.

– С удовольствием составлю вам компанию, – вызвался Лев. – В гардеробной есть дождевики, можно их надеть, даже если дождь снова пойдет, не промокнем.

– Обуться только по уму надо, – посоветовала Настя. – Сейчас пойду, переобуюсь и спущусь.

– Ладно, схожу и я с вами, – согласилась Лена. – Все равно делать нечего. Да и прогуляться перед обедом полезно.

Женщины поднялись в свои комнаты, переодеться и обуться для прогулки. Гуров в это время прошел в гардеробную, подобрал для них дождевики. Спустя несколько минут все трое вышли на веранду.

Дождь и правда почти прекратился, но ветер и не думал стихать. Наоборот, он все больше набирал силу. Видно было, как качаются под его порывами верхушки вековых лиственниц. Время от времени в тайге раздавался грохот – это падало дерево, не выдержавшее напора ветра. Теперь, когда исчезла пелена дождя, стали еще внушительнее выглядеть волны на Байкале – они достигали высоты в два, даже в три метра.

– Да уж, какая тут рыбалка! – заметила Лена, окинув взглядом поверхность озера. – Слуцись что – к нам, наверное, и катер с врачом не сможет добраться.

– Ну, мощное судно, пожалуй, сможет прийти, – успокаивающе заметил Гуров.

– Да, а еще можно по суше добраться, из ближайшего поселка, – сказала Настя. – Давайте вот что сделаем: не в тайгу пойдем гулять, а вдоль берега. Посмотрим, далеко ли можно уйти. Это будет что-то вроде разведки.

– Хорошо, пройдем, только недалеко, – согласилась Лена. – Это ты привычная по сопкам лазить, а я этого не люблю.

Они спустились с веранды, вышли за ограду и повернули на юг. Здесь вдоль утесов шла прохоженная тропа. Иногда она забиралась повыше, к границе леса, иногда тянулась вдоль воды, и тогда огромные валы грозили залить путешественников.

– А вы, как я понял, были знакомы еще до того, как встретились здесь, в усадьбе? – уточнил Гуров.

– Ну да, конечно, – ответила более словоохотливая Настя. – Мы ведь обе живем в Иркутске, а это не такой уж большой город. К тому же Сергей постоянно ведет дела с Константином Геннадьевичем, и мы бываем у них дома, и там иногда встречаемся с Виталием и Леной.

– А что, твой Сергей еще не перебрался на Кипр? – спросила Лена. – Ходили слухи, что он там половину острова скупил...

– Да, Сережа занимался скупкой недвижимости, – кивнула Настя. – И не только на Кипре, но и в Болгарии, Черногории. Он мне говорил, что там недвижимость недооценена, со временем ее стоимость возрастет, и он неплохо заработает. Но переезжать туда он никогда не собирался, с чего ты взяла? Он и в Москву не хочет уезжать. Это я его иногда уговариваю сменить место жительства, а он не хочет.

– Я этого, честно говоря, не понимаю, – пожала плечами Лена. – Мы с Виталием оба не против перебраться в Москву. Только он говорит, что в столицу надо переезжать с солидным заделом, чтобы не быть там на последних ролях. И тут я с ним согласна.

Они прошли уже около полукилометра. Усадьба с ее постройками осталась позади, но пока еще была видна. Но тут берег повернул южнее, и усадьба скрылась из виду. Зато стал виден другой участок берега. На другой стороне бухты острые глаза Гурова различили какие-то строения. Очевидно, там находился поселок, о котором говорил Кувшинов.

– Ну вот, и Заречье видно, – объявил он. – Если захотим, можем до него...

Он не закончил фразу, и для этого была причина. Спереди послышался мощный рев, и стало видно, что его производит. К озеру выходило небольшое ущелье. В сухую погоду его можно было миновать, не заметив, теперь же из него хлестал в озеро бурлящий поток воды. Он нес ветки, обломки деревьев, разный лесной мусор и был таким мощным, что перейти его невозможно – разве что перелететь.

– Да, добраться до поселка нам не удастся, – констатировал Гуров. – Ну что, поворачиваем обратно?

– Пошли скорее назад, – поторопила Лена, – а то, того и гляди, дождь снова пойдет. Не понимаю, что хорошего бродить по этим камням!

– А я не понимаю, что хорошего целый день сидеть в четырех стенах! – заявила в ответ Настя. – Сидеть и тосковать!

Было заметно, что обе женщины обмениваются подобными репликами не в первый раз.

– Значит, из поселка к нам никто не доберется, – задумчиво проговорила Лена, когда они уже шли обратно. – А может, это даже хорошо. Мало ли какой люд там живет! А так... Продуктов у нас хватит. А если что случится – дядя Костя вызовет помощь по телефону. У него ведь сотовый телефон есть, он хоть с Иркутском, хоть с Москвой связаться может.

– Да, это неплохо... – пробормотал Гуров.

Они прошли еще метров пятьдесят – и снова пошел дождь, который быстро превратился в ливень. Последние метры они буквально бежали и остановились, только очутившись на веранде, под крышей.

– Ну все, хватит с меня этих прогулок! – заявила Лена, сбрасывая дождевик и тяжелые резиновые сапоги.

– А мне, наоборот, нравится! – улыбнулась Настя. – Если бы дождь не был такой сильный, я бы еще прошлась.

Лена поспешила уйти в дом – греться и сушиться, а Гуров с Настей остались на веранде.

– Вы, как я понял из реплик Лены, любите пешком ходить, – заметил Лев.

– Да, я в студенческие годы туризмом занималась. Правда, в серьезные походы не выбиралась, так, по окрестностям в основном ходила, на Байкал ездили.

– Что, там и с мужем познакомились?

– Нет, что вы! – рассмеялась Настя. – Сережа у меня человек исключительно домашний, походную жизнь не переносит. И на отдых любит ездить в отели «пять звезд», и чтобы была система «все включено», и полное обслуживание... Тут мы с ним расходимся. Зато в другом сходимся. Например, в любви к искусству. В кино часто ходим, и дома у нас хорошая фильмотека. А еще музыку любим, в основном джаз. Сережа и сам на трубе играет. Мы с ним познакомились на концерте, если вас это интересует. А мне движения не хватает, у меня от него настроение поднимается. Так что, надумаете еще погулять, пригласите меня с собой.

– Обязательно приглашу, – пообещал Гуров. – Правда, в ближайшее время это вряд ли получится, видите, как поливает.

– Ну, ничего! Заряд бодрости я уже получила. Надо еще какое-нибудь развлечение на вечер придумать – и день пройдет не зря. Например, устроить танцы.

– А что, это идея, – согласился Лев. – У нас несколько молодых женщин, да и мужчины еще на ногах держатся, вполне могут составить компанию. Так что танцы вполне можно устроить.

– Вот я за обедом об этом и объявлю. Давайте представим это как наш с вами совместный проект. Идет?

– Идет!

Гуров понимал, что долгое сидение под крышей, в замкнутом пространстве может плохо сказаться на психологическом климате в их маленьком коллективе. Даже карты и кино не спасут. Необходимо какое-то разнообразие. Поэтому предложение Насти показалось ему разумным. Кроме того, глядя в небо, он все больше проникался мыслью, что насчет погоды права оказалась опять-таки Настя, а не Виталий Кувшинов, и ураган – это надолго.

– Знаете что? – сказал он. – Давайте устроим с вами заговор!

– О, интересное предложение! – воскликнула девушка. – И против кого?

– Не кого, а чего, – поправил Гуров. – Против этого урагана, против скуки. А еще, возможно, и против паники. Потому что люди по-разному переносят необходимость все время находиться в замкнутом пространстве. И если они узнают, что дорога перекрыта потоком и пройти в поселок нельзя, кто-то может запаниковать.

– Я вас поняла, – кивнула Настя. – То есть не надо никому говорить о том, что мы сегодня видели, так? Но ведь это не только мы видели, Лена тоже видела. Ее вы тоже будете просить, как меня?

– Не то, что не надо говорить, это, в общем, не секрет, а не надо на этой теме заикаться, – объяснил Гуров. – А если кто-то заговорит – постараться сворачивать на другое. Лену я об этом просить не буду, мне кажется, она тут не помощник. А вот вы вполне можете помочь.

– Что ж, спасибо за доверие, товарищ полковник, – тряхнула головой Настя. – Постараюсь оправдать!

Глава 7

За обедом Настя при поддержке Гурова огласила придуманный ею план – устроить вечером танцы. Ирина Валерьевна отнеслась к предложению довольно прохладно – что со стороны бывшей балерины было, в общем, понятно. Остальные предложение Насти приветствовали. Ее муж даже спросил, не найдется ли в доме трубы или саксофона, он мог бы исполнить несколько популярных танцевальных мелодий.

– Прости, Сережа, но трубы у меня только отопительные, – развел руками Кувшинов. – Другими пока не обзавелся. Вот если дашь обещание бывать здесь каждое лето, я обязательно приобрету пару инструментов по твоему заказу.

– Ладно, потанцуем под «фанеру», – согласился Саенко. – Главное, чтобы было с кем танцевать! – И он подмигнул своей жене.

Было решено не устраивать обычный ужин с застольем, а сделать что-то вроде фуршета, причем накрыть стол не в столовой, а прямо в гостиной – чтобы участники мероприятия могли чередовать танцы с выпивкой и закуской. Виталий Кувшинов вызвался наладить музыкальную аппаратуру, Настя – выступить в роли диджея и подобрать музыкальную программу, Лена – помочь кухарке Тане устроить фуршет. Лишь мать и дочь Кувшиновы, Ирина Валерьевна и Ксения, не разделяли общего энтузиазма и остались в стороне от приготовлений.

Впрочем, до вечера было еще далеко, а пока хозяева и гости «Заречья» старались убить время кто как мог. Картежники вновь удалились в малую гостиную, чтобы предаться любимой игре, трое Кувшиновых – Ирина Валерьевна, Ксения и Лена – пошли в кинозал, чтобы посмотреть какие-то сериалы, старший Кувшинов остался в столовой с Таней – ему захотелось проверить, какие продовольственные запасы имеются в усадьбе, а Гуров пошел в библиотеку.

Едва он устроился в кресле с томиком любимого «Графа Монте-Кристо», как в библиотеку вошла Настя. Увидев Гурова, она рассмеялась:

– Ну, Лев Иванович, я на месте Сергея уже стала бы ревновать. Мы с вами сегодня просто неразлучны. Куда вы – туда и я!

– А вы ему не говорите, – предложил Лев, – а то как бы он чего не подумал. А вы что, тоже читать собрались?

– Не то чтобы читать, а перечитывать, – ответила девушка. – Мне Константин Геннадьевич говорил, что у него есть книги Хмелевской. Хочу перечитать «О чем рассказал покойник» или еще какой-нибудь ее роман. А вы что взяли? – Она подошла к креслу, в котором сидел Гуров, взглянула на обложку и воскликнула: – О, какая древность! Я думала, вы Акунина читаете или, на худой конец, Конан Дойла.

– Что ж, я сам человек немолодой, – заметил на это Гуров. – Можно даже сказать, древний.

– Ладно вам приbedняться! – махнула рукой Настя. – Какой вы древний? Я же вижу: душой вы вполне молоды. Да и на силу не жалуетесь, многим молодым фору дадите. Так что не стоит вам старичка на скамеечке изображать. Ну ладно, не буду вам мешать. Читайте про своего графа.

Она прошлась вдоль полок, перебирая книги. Достала томик в мягкой обложке, вернулась и села в кресло.

Некоторое время оба сосредоточенно шелестели страницами. Однако Насте, судя по всему, не читалось. Она кашлянула раз, другой, а затем прямо обратилась к Гурову:

– Лев Иванович, а, Лев Иванович!

– Слушаю вас! – отозвался он, поднимая глаза от книги.

– Знаете, вы вот меня в помощники взяли, чтобы с паникой бороться, – сказала Настя. – Но я, наверное, буду плохой вам помощницей.

– Это почему же?

– Предчувствия у меня какие-то... тревожные, – призналась девушка. – Словно вот-вот должно случиться что-то страшное.

– Что же такого страшного может с нами случиться? – спросил Гуров, надеясь, что его недоумение выглядит искренним. – Разве что запасов гусиной печени не хватит... Вон Константин Геннадьевич уже с Таней засел, проверяет, не грозит ли нам людоедство. Я искренне надеюсь, что не грозит. Давно Костю знаю, он человек запасливый.

– Вечно вы с шуточками! – воскликнула Настя. – Я понимаю, вы хотите меня успокоить. Но ведь я сама не трусиха, я не из тех, кто боится каждого шороха. Однако сейчас у меня стойкое чувство, что вот-вот случится беда. А вы меня заставляете других развлекать, поддерживать.

– Ну, во-первых, не заставляю, а прошу, – заметил Гуров. – А во-вторых, есть одна закономерность – ее заметили всякого рода спасатели, ликвидаторы чрезвычайных ситуаций. Когда человек заботится о других, подбадривает их, он и себя этим подбадривает и укрепляет. Так что сегодняшняя вечеринка нужна не только другим, но и вам самой.

Настя минуту подумала, морща лоб, потом кивнула:

– Да, интересное наблюдение. Пожалуй, спасатели правы. А вы это у каких спасателей вычитали – которые этому вашему графу помогли?

– У них, у них, точно! – с важным видом кивнул Лев, и оба рассмеялись.

Остаток послеобеденного времени они провели за чтением, больше не отвлекаясь на разговоры. Гуров как раз дошел до сцены побега Дантеса из мрачного замка Ив, когда в библиотеку вошла Таня с известием, что Виталий уже наладил звуковую аппаратуру и зовет Настю, чтобы она могла составлять свою танцевальную программу. Настя тут же сунула книгу Хмелевской обратно на полку и побежала в гостиную. Лев немного подумал и тоже отправился вслед за ней.

В гостиной он застал не только Настю, но и ее мужа, а также своего друга Кривобокова. Мужчины были заняты тем, что переносили в угол стол и сдвигали к нему кресла, освобождая середину зала.

– А вот и Лев! – приветствовал его Кривобоков. – Давай не стесняйся, присоединяйся к нам. Тут еще есть что носить.

– А где все остальные? – спросил Лев, берясь за одно из кресел.

– Костя с механиком в подвале, генератор проверяют, – объяснил криминалист. – Костя опасается, что поток воды может порвать кабель, и хочет проверить, все ли к этому готово. Виталий только что ушел – наверное, к себе поднялся. Он тут полчаса возился, аппаратуру налаживал. Ну, а дамы, думаю, сидят перед зеркалами, марафет наводят.

– А меня вы дамой, похоже, не считаете? – заметила Настя, которая стояла возле музыкальной установки, вглядываясь в экран. – Я сейчас тоже к себе побегу, а то – чушка чушкой.

– Никакая ты не чушка, ты у меня замечательная, – заявил на это Саенко.

Настя улыбнулась мужу, в последний раз ткнула пальцем в пульт, сохраняя выбранную программу, и помчалась наверх. Мужчины расставили кресла, и Таня начала приносить выпивку и закуски. Саенко куда-то ушел, а Гуров и Кривобоков взяли по бокалу мартини и сели в кресла в дальнем углу.

– Ну, как прошла игра? – негромко спросил Лев.

– Получил большое удовольствие! – ответил криминалист. – Партнеры подобались отменные. С такими опытными игроками приходится проявлять все свои способности.

– Что, неужели все такие равные? – недоверчиво спросил Гуров. – И Ирина Валерьевна тоже?

– Представь себе, да! Пресловутая женская интуиция у нее прекрасно работает. Почти не допускала ошибок. Пожалуй, единственным слабым игроком среди нас оказался младший Кувшинов.

– Вот как? А производит впечатление расчетливого, делового человека.

– Может, он и расчетливый, но слишком азартный. Слишком увлекается. Хорошо, что мы играли по мизерной ставке, иначе мог бы проиграть приличную сумму.

Гуров решил, что настал удобный момент, чтобы рассказать другу о своем разговоре с механиком Бабченко, а также о пропаже спутникового телефона хозяина, но в это время в зал стали спускаться женщины. Первой, как ни странно, вошла Настя (хотя уходила последней). Она наложила на лицо совсем мало макияжа, только немного подкрасила губы и подвела глаза, а еще переделалась в вечернее платье цвета морской волны, что составляло отличный контраст с ее рыжими волосами.

За Настей спустилась Ксения в элегантном брючном костюме, затем Лена в черном облегающем платье с глубоким вырезом, с ожерельем на шее. Огни люстры заиграли на драгоценных камнях, и это было очень эффектно. Последней появилась мадам Кувшинова в темно-бордовом длинном платье, и тоже увешанная украшениями. Вернулись и мужчины, так что вечер можно было начинать.

Константин Геннадьевич взял бокал и провозгласил тост за стойкость духа всех присутствующих, которая помогает преодолевать трудности, в том числе и погодные. Все выпили, Настя включила музыку, и веселье началось.

Настя, помня, что среди собравшихся имеются пожилые мужчины, которые вряд ли будут приветствовать современные быстрые танцы, мудро составила программу так, что она начиналась с мелодий, привычных для Гурова, Кривобокова и Кувшинова. Сначала следовали медленные фокстроты, потом их сменили вальсы. Лев собирался отсидеться в своем углу, но Настя ему этого не дала и уже на второй мелодии вытащила его на середину зала. Пришлось и ему станцевать с ней один тур. Но после этого он решительно отказался от предложения продолжить и направился к креслу. Спустя некоторое время в соседнее кресло опустился и Кувшинов.

– Ну, я вижу, твоя затея удалась! – заметил он. – Настя мне сказала, что это ты придумал устроить вечер танцев.

– Зря она отказывается от авторства, – ответил Гуров. – Идея была ее, я только поддержал. Решил, что это надо для поднятия общего духа.

– Верно решил! – одобрил хозяин. – Вон все как развеселились. И Сергей, и Настя, и Ксения, и даже моя супруга. Хотя обычно вид у нее бывает недовольный.

– Как там осмотр энергетического хозяйства? – поинтересовался Лев. – Я слышал, вы с Бабченко что-то проверяли...

– Понимаешь, во время сильных ливней или паводка иногда рвутся кабели, – объяснил Кувшинов. – Почва может значительно просесть после подмыва водой или валун раздавить. Тогда мы останемся без света. Вот я на всякий случай и решил проверить генератор, готов ли он к работе.

– Ну и как?

– Вполне готов. Вообще у моего Бориса все хозяйство всегда в идеальном порядке, такой уж человек. Я его попросил быть наготове и, если случится авария, сразу включить генератор. Так что... Нет, ты гляди, гляди, как отплясывают! Прямо хоть конкурс устраивай!

Его восклицание было вызвано тем, что согласно составленной Настей программе настало время быстрых танцев, и в зале зазвучал рок. Настя с Сергеем, Виталий с Леной принялись отплясывать, целиком отдаваясь танцу, но в этот момент свет вдруг мигнул, потом еще раз мигнул – и погас. Музыка стихла, и в наступившей тишине стали слышны завывания ветра и мерный шум ливня за стенами дома.

И тут Гуров различил чей-то (он понял только, что женский) еле слышный шепот:

– Что, пора?

И чей-то ответ:

– Нет, рано.

Вслед за этим рядом с ним раздался голос хозяина дома:

– Прошу всех оставаться на местах! Никакие аварии нам не страшны! Сейчас свет будет!

И действительно, прошло несколько минут, и люстра вновь засветилась – сначала вполнакала, потом на полную мощность.

– Ну, вот видите! – весело воскликнул Кувшинов. – Никакой ураган нам не страшен. Танцы продолжают! – И повернулся к Гурову: – Пойду, спущусь в подвал, проведу, как там дела у Бориса. Заодно обсудим, когда он пойдет проверять линию и установит место обрыва – сегодня или завтра.

Однако у Гурова не шел из головы странный обмен репликами, который он услышал.

– Знаешь, Костя, я, пожалуй, тоже с тобой схожу. На всякий случай.

– Почему?! – удивился Кувшинов.

– Что-то мне тревожно, – признался Лев, вспомнив слова Насти, сказанные в библиотеке. – А тревожиться здесь надо в первую очередь за тебя. Не нравится мне череда этих событий: исчезновение кольца на патрубке, потом исчезновение твоего телефона, а теперь еще и авария. Так что я хотел бы быть рядом с тобой.

– Ты что, думаешь, мне нужна нянька? – Константин Геннадьевич не на шутку рассердился. – Череда чередой, а ходить за мной не нужно. Если у тебя энергии много, сходи лучше с девушкой потанцуй.

Не говоря больше ни слова, хозяин усадьбы встал и направился в подвал. Гурова так и подмывало кинуться за ним, но он понимал, что ничего, кроме скандала, из этого не выйдет. Сидеть на месте он тоже не мог, а потому вышел из гостиной и стал бродить из холла в столовую и обратно. Так прошло несколько минут, затем на лестнице, ведущей вниз, в подвал, послышались голоса, и оттуда появились вначале Кувшинов, а за ним механик Бабченко. Увидев Гурова, Кувшинов усмехнулся:

– Что, все же встал на боевую вахту? Как видишь, напрасно: я цел и невредим. И генератор в порядке. Так что можно продолжать веселье. А ты, Борис, – повернулся он к механику, – побудь пока здесь. На всякий случай. Ведь генератор давно не включали.

– Да, я побуду, конечно, – кивнул Бабченко. При этом как-то по-особенному взглянул на Гурова: тому показалось, что механик хочет ему что-то сказать. Он подошел ближе, и Бабченко тихо произнес:

– Я тут вспомнил одну вещь – ну, насчет того кольца на патрубке... И насчет катеров... Я вспомнил, что...

Но тут Кувшинов, уже стоя в дверях гостиной, обернулся и с некоторым раздражением бросил:

– Ну что, Лев, ты идешь или нет? Или будешь продолжать расследовать?

– Да иду я, иду, – ответил ему Гуров.

– Я после вам расскажу, – уже шепотом пообещал механик.

Гуров с Кувшиновым вернулись в зал, где продолжалось веселье. Теперь там шла игра в фанты, причем с такими рискованными заданиями, как «поцеловать стоящего справа от тебя». Этот фант выпал криминалисту Кривобокову, справа от которого стоял Саенко, а за ним – Настя, придумавшая всю эту игру. Жаль, подумал Кривобоков, что супруги заранее не поменялись местами. В конце концов, ему все же пришлось чмокнуть банкира в щеку.

Веселье шло уже давно, и его участники успели хорошо «принять на грудь». Например, Виталий заметно покачивался и нетвердо стоял на ногах, сестра и жена поддерживали его с разных сторон.

Настя принялась раздавать следующую партию фантов, и в это время свет снова погас.

– Ну вот, опять! – послышался сокрушенный голос Насти. – А вы, Константин Геннадьевич, говорили, что больше ничего такого не случится!

– Да это наверняка какой-нибудь пустяк, – ответил Кувшинов. – Сейчас Борис все наладит.

– У кого-нибудь есть фонарик? – Это был голос Виталия. – Нет? Тогда я сейчас поднимусь в комнату, у меня есть хороший фонарь – прямо как прожектор.

– Никуда ты не поднимаешься, – возразила Ксения. – Ты вон какой, еле на ногах держишься. Споткнешься еще на лестнице, все ступеньки пересчитаешь. Сядь лучше вот тут, на стул. Да не здесь, вот он.

Послышался звук, какой бывает, когда грузный человек с размаху садится на стул. И в это время Гуров почувствовал, как по залу прошел легкий ветерок – как будто окно открыли или дверь. Открыли – и снова закрыли. «Может, это Костя в холл вышел?» – подумал он и негромко спросил:

– Константин, ты тут?

– Тут я, тут! – проворчал в ответ Кувшинов. – Ты что, Лев, темноты боишься? Давай я отнесу тебя в кроватку, укутаю одеяльцем, расскажу сказочку...

При этих словах раздался хохот Насти, вслед на ней засмеялись и Лена, и Ксения, и Ирина Валерьевна. Однако Гурова ничуть не смутило то, что он стал объектом насмешек. У него отлегло от сердца: Константин остался в зале, значит, опасность ему не угрожает.

Между тем время шло, а свет все не загорался. Они сидели в темноте уже около десяти минут – Лев умел очень точно определять небольшие отрезки времени. Он уже собирался выйти в холл и попробовать спуститься в подвал – может, механику требуется помощь? – как вдруг опять почувствовал движение легкого ветерка. А еще услышал едва слышный звук – словно кто-то крался мимо него по ковру. Он протянул руку, надеясь потрогать того, кто любит тихо бродить в темноте. Он мог бы поклясться, что его пальцы на долю секунды коснулись края чьей-то одежды – но только края; в следующий миг невидимка сделал стремительный шаг в сторону, и все стихло.

– Что-то он слишком долго! – заметил Кувшинов. – Пожалуй, пойду, погляжу, что там.

– Папа, возьми мой телефон, на нем фонарик хороший, – предложил Виталий. – А лучше я сам схожу.

– Нет, ты не сходишь, Ксюша правильно говорит, тебе лучше посидеть, – решительно отверг его предложение Кувшинов-старший. – А телефон давай.

Вспыхнул неяркий свет, который после мрака показался очень ярким. Виталий, встав со стула, протянул телефон отцу. Кувшинов взял его и направился к двери. Гуров, не раздумывая ни минуты, двинулся за ним.

– А, группа сопровождения уже наготове! – усмехнулся Константин Геннадьевич. – Ладно, пошли вместе, если тебе так хочется.

Они пересекли холл и подошли к открытой двери подвала.

– Борис, ты там? – крикнул Кувшинов, остановившись на верхней ступеньке лестницы.

Ответом ему было молчание.

– Странно... – пробормотал он. – Тут расстояние небольшое, Борис наверняка меня слышал...

Они начали спускаться. Телефонный фонарик давал совсем немного света: ровно столько, чтобы осветить пространство на пару метров впереди. Поэтому Гуров не мог составить представление о размерах и устройстве подвала. Он видел лишь невысокое тесное помещение; в левой стене виднелись две двери, между ними стояли какие-то ящики.

– Щиток вон там, в конце... – пробормотал Кувшинов. – Вот, сейчас...

Они сделали еще шаг, и Гуров увидел на стене щиток с рубильником и предохранителем, стоящий на полу генератор... А еще разглядел лежащего рядом с генератором человека. Он стремительно шагнул вперед, опустился на корточки и заглянул ему в лицо.

Это был механик Борис Бабченко. И теперь стало ясно, почему он не откликнулся на призывы Кувшинова, – он был мертв.

Глава 8

В обычной обстановке Гуров сделал бы все для того, чтобы оставить тело на месте до прибытия следственной бригады. Но он понимал, что здесь так поступить нельзя. Когда прибудет эта бригада?

– Слушай, у тебя есть большой холодильник? – спросил он Кувшинова.

– Холодильник? – растерянно пробормотал хозяин, стоявший в оцепенении над трупом своего механика. – Да... да, есть. А еще есть ледник для рыбы, он больше. А ты что, хочешь...

– В первую очередь я хочу включить свет. А потом уже будем делать все остальное. Ну-ка, посвети.

Кувшинов послушно поднял телефон. Гуров шагнул к щитку и осмотрел его. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять: хозяин дома был прав, все дело в том, что на щитке перегорел предохранитель.

Лев аккуратно вывернул его, осмотрел, при этом что-то хмыкнул, потом положил себе в карман, после чего спросил:

– Где у тебя предохранители лежат?

– Предохранители? Вон... вон, в шкафчике, рядом.

Гуров открыл шкафчик, нашел нужный предохранитель, вставил его в гнездо и повернул рубильник. Помещение подвала залил яркий свет ламп.

– Вот, теперь поднимись наверх и скажи Павлу, чтобы спустился сюда, – сказал он. – И объясни остальным, что случилось.

– Ну да, я скажу, что несчастье... несчастный случай... Надо же такому случиться... Он всегда был такой осмотрительный...

– Хорошо, пока будем придерживаться такой гипотезы, – согласился Лев. – Так ты Павла позови и сам потом спустишься, покажешь, где этот твой ледник.

Кувшинов кинулся наверх. Гуров обратил внимание, что фонарик на телефоне так и не выключен, хотя нужды в нем уже не было. Оставшись один, он склонился над телом и стал внимательно его осматривать.

Впрочем, один он пробыл недолго. Послышались торопливые шаги, и в подвал спустился Павел Кривобоков.

– Что случилось? А то Костя несет что-то несусветное...

Тут Павел увидел лежащего, и лицо его сразу изменилось: взгляд сделался профессионально цепким, внимательным.

– Мертв? – коротко спросил он.

– Да, – ответил Гуров. – Слушай, поищи где-нибудь мелок или еще что-то, чтобы отметить положение тела. И скажи: у тебя камера на телефоне нормально работает?

– Более-менее, – сказал криминалист. – Лучше я у Кости спрошу, он хвастался, что у него целый набор фотоаппаратов. А ты хочешь провести замеры и потом убрать?

– А что нам остается делать? – пожал Лев плечами. – Сам понимаешь, бригаду ждать не приходится.

– Ну да... – покачал головой Кривобоков и пошел по подвалу, внимательно все осматривая. Спустя несколько минут он воскликнул: – Вот мел! Правда, не кусковой, а рассыпной, но и таким можно пользоваться.

Павел принес открытый пакет с мелом, порылся в нем и, найдя почти цельный комочек, обвел им контуры фигуры механика. Затем сходил наверх и вернулся с фотоаппаратом в руках.

– Там народ в полной растерянности, – сообщил он. – Все спрашивают, как, что, при каких обстоятельствах...

– Вот мы с тобой разберемся, тогда и сможем рассказать, как и при каких обстоятельствах, – сказал Гуров. – Давай снимай.

Кривобоков сделал два десятка снимков погибшего с разных ракурсов. Затем они вместе перевернули тело на спину. Павел склонился над погибшим и начал внимательно исследовать его голову, потом перешел на руки, тело, после чего стал осматривать генератор, который стоял рядом с телом.

– Вероятная причина смерти – тупая травма головы чуть выше правого уха, – резюмировал он. – Вот, видишь? Такое впечатление, что он упал и ударился об угол генератора. Там, на генераторе, имеются следы крови. Возможно, найдутся и волоски, и костное вещество.

– То есть просто упал с табуретки, ударился – и все?

– Да, как-то странно, – согласился Кривобоков. – Такое, сам знаешь, бывает, но крайне редко. К тому же... – Он поднял лежавшую на полу опрокинутую табуретку, поставил ее возле щитка, взобрался на нее и, оглянувшись, заключил: – Теоретически так могло получиться. Но только, если допустить, что механик падал во весь рост, не пытаясь как-то сдержать падение. Так, давай-ка я посмотрю еще... – Внимательно осмотрев тело, он вдруг воскликнул: – Смотри-ка! Все не так просто...

– Что ты увидел? – спросил Гуров.

– А вот, полюбуйся, – предложил криминалист. – Вот, видишь шрамы на пальцах? И на среднем, и на указательном...

– Может, он получил их при падении?

– Вряд ли, – покачал головой Кривобоков. – След очень характерный. Такое впечатление, что механик пытался защититься от удара, выставил руку, и его били по этой руке. Надо его раздеть, осмотреть тело. Возможно, найдутся еще гематомы.

– Тогда давай отнесем его на ледник, – предложил Лев. – Но тогда нам нужен Костя – он должен показать, где этот ледник находится. А пока его нет, давай-ка здесь хорошенько все осмотрим.

– Хочешь найти предмет, которым его ударили? – догадался Кривобоков.

– Ну да. Если ты считаешь, что его били, то это должна быть железная палка вроде шоферской монтировки или прут. А может, топор?

– Нет, тогда пролом на голове имел бы совершенно другой характер, – уверенно заявил криминалист. – Давай искать монтировку.

Они, не сговариваясь, двинулись каждый по разным сторонам подвала, внимательно осматривая все предметы. И спустя несколько минут вновь встретились возле убитого.

– Нет, ничего похожего нет, – сказал Гуров.

– Я тоже не нашел, – кивнул Кривобоков.

– Значит, одно из двух. Или убийца...

Лев не успел закончить – послышались шаги, и в подвал спустились Кувшиновы, отец и сын. Виталий все еще слегка покачивался и был бледен, хотя, похоже, значительно протрезвел. Прежде чем Кувшиновы приблизились к ним, Гуров быстро обменялся с Кривобоковым взглядом, и криминалист едва заметно кивнул. Они хорошо понимали друг друга без слов: события развернулись таким образом, что кто-то теперь попадал в подозреваемые. И рассказывать обо всех своих открытиях и догадках им не стоило.

– Так что произошло? – воскликнул Виталий, подойдя к лежавшему механику. – Это Борис? Что с ним? Упал?

– Да, видимо, неудачно упал и ударился виском об угол генератора, – кивнул Гуров.

– Вы смотрели? Там есть кровь? На генераторе? – с нетерпением спросил старший Кувшинов.

– Смотрели, – ответил Кривобоков. – Да, есть.

– Тогда все ясно! – уверенно заявил Константин Геннадьевич. – Несчастный случай. Бедный Борис!

– Да, теперь надо отнести его на лед, – сказал Гуров. – Где этот твой ледник?

– Вон там, за той дверью, – указал на одну из дверей Кувшинов. – Я сейчас открою. – Он достал связку ключей, открыл дверь, из которой пахнуло холодом, и предложил: – Давайте поднимем его все вместе и понесем.

Гуров бросил быстрый взгляд на Кривобокова. Он колебался. После того как отец и сын будут участвовать в переноске тела, на нем останутся частицы их одежды, и уже нельзя будет сказать, кто прикасался к механику до того, как он погиб – например, в ходе борьбы.

Однако Кривобоков, поймав взгляд друга, едва заметно махнул рукой, мол, не имеет значения. И действительно, у них не было оборудования, чтобы искать на теле эти самые частицы чужой одежды. Поэтому они все вместе подняли погибшего механика и перенесли его в помещение ледника. Там тело положили на лед.

– Ну, теперь я закрою, и он будет здесь лежать, пока ураган не стихнет и из Иркутска не приедет следователь, – сказал Кувшинов-старший.

– Нет, сделаем иначе, – покачал головой Гуров. – Ключи ты отдашь Павлу, и он холодильник закроет. Но сначала хорошенько осмотрит погибшего.

– Это еще зачем? – удивился Константин Геннадьевич. – Ведь решили уже, что это был несчастный случай, чего еще смотреть?

– Ты, Костя, словно забыл, чему тебя в ВШМ учили, – усмехнулся Лев. – Мало ли что мы там решили! Существует определенный порядок. Тело погибшего должно быть внимательно осмотрено. Если бы здесь не было специалиста – тогда да, надо было бы ждать следственную бригаду. Но специалист здесь есть, причем не отставной, а действующий. Это Павел. Он и проведет осмотр. Потом составит протокол, и я распишусь, как представитель полиции. И этот протокол, Костя, будет вполне официальным документом. И ты, кстати, там тоже распишешься как свидетель.

– Ну, не знаю... – пробормотал старший Кувшинов. – Хорошо, пусть осматривает. А я поприсутствую, посмотрю.

– Вот опять видно, что ты давно в органах не работаешь, – пожурил его Гуров. – Сейчас твое присутствие как свидетеля не требуется. Так что давай, Костя, оставь нас одних.

– Черт знает что! – воскликнул Константин Геннадьевич. – Ты что, подозреваешь нас в чем-то?!

– Папа, не скандаль! – постарался успокоить его сын. – Лев Иванович прав. Есть определенный порядок, его надо соблюдать. Пошли отсюда!

Эти слова подействовали, и Кувшинов, все еще сердито бормоча, вышел из ледника. За ним последовал и Виталий. На пороге он обернулся и сказал:

– Не обижайтесь на папу. Просто он очень расстроился из-за того, что все его планы сорвались. Он так мечтал организовать для вас идеальный отдых! И вот что получилось.

– Мы не обижаемся, – заверил его Лев.

Когда они остались вдвоем, Кривобоков с помощью Гурова снял с механика свитер и рубашку. Когда тело обнажилось, криминалист осмотрел его спереди, потом перевернул на бок и воскликнул:

– Вот, как я и думал! Синяк на правом плече. Его били какой-то железной палкой, а когда он упал с табурета, добили ударом в голову. Картина произошедшего достаточно ясная. Не думаю, что патологоанатом, если бы он здесь был, внес бы какие-то уточнения.

– Тогда перед нами встают два вопроса. Кто убил механика и почему?

– Я бы добавил третий – чем совершено убийство? – заметил Кривобоков. – Необходимо найти орудие преступления. Я уже начал высказывать свое мнение на этот счет, но нас прервали Кувшиновы. Так вот, или убийца унес это орудие с собой, или хорошенько спрятал здесь.

В любом случае, если эта палка или монтировка находится в доме, мы обязаны ее найти. Это, в конце концов, не шило, вещь заметная.

– Избавиться от нее насовсем убийца мог только одним способом: выбросить в Байкал. Но для этого надо выйти из дома...

– Значит, нам необходимо как можно скорее ввести режим «домашнего ареста» для всех, кто здесь находится. Никто не должен выходить, пока мы его не осмотрим и не убедимся, что он – или она – не несет с собой чего-то, что могло стать орудием преступления. Но сделать это будет непросто. Представляю, какой крик поднимет Константин...

– Ну, с его криком мы как-нибудь справимся, – ответил Гуров. – Важно другое: а что, если палка уже выброшена?

– Это приводит нас к первому и главному вопросу: кто убийца, – сказал криминалист. – Мы, конечно, еще не раз будем обсуждать этот вопрос, но пока давай выскажем самые общие соображения. Как ты считаешь, это человек, находившийся в доме, то есть один из нас? Или это некто посторонний, сумевший прокрасться в дом и напасть на механика?

– На этот вопрос ответить довольно просто. Надо выйти сейчас в холл и осмотреть пол возле входной двери. Если это посторонний, он должен был войти через дверь, а значит, оставить следы. В такую погоду не мог не оставить.

– Да, через окно он проникнуть не мог – окна все закрыты, надо бить, и тогда мы это точно заметим, – согласился Кривобоков. – Что ж, пойдем смотреть.

– Кстати, замечу, что если мы найдем следы у двери, то их мог оставить и человек из дома, – добавил Лев. – Вопрос в том, хватило бы у него времени, чтобы добежать до озера, кинуть монтировку в воду и вернуться.

Глава 9

Они вышли из ледника, причем Гуров запер дверь и ключ положил себе в карман. Затем поднялись в холл и направились к входной двери. Здесь было темно, и Лев включил лампы, висевшие по бокам входной двери. При их свете друзья присели на корточки и стали внимательно осматривать пол.

Впрочем, долго смотреть не пришлось: и так было видно, что пол практически сухой. Стало быть, в последнее время в дом никто не входил.

За этим занятием их застали супруги Саенко. Они, уже в куртках, спустились с лестницы и направились к выходу.

– Вы тут что-то ищете? – спросила Настя.

– Ищем, – ответил Гуров. – А вы далеко собрались?

– Хотим погулять, – ответил банкир. – Такое кошмарное известие... Неизвестно, что остается делать. В карты играть уж точно нехорошо. Вот мы и решили пройтись.

– В таком случае нам нужно вас осмотреть. Расстегните, пожалуйста, ваши куртки.

– Что за новости?! – возмутился Саенко. – Это что, обыск? С какой стати?

– Мы должны принять меры, чтобы из дома не вынесли орудие убийства, – объяснил Гуров.

– Убийства?! – изумилась Настя. – Какого убийства? Константин Геннадьевич говорил, произошел несчастный случай... Сказал, что все очевидно...

– Константин Геннадьевич ошибается, – покачал головой Лев. – Есть неопровержимые признаки, говорящие, что Борис Бабченко был убит. И мы полагаем, что орудие убийства пока что находится в доме.

– Орудие... Но это... это значит, что и убийца тоже находится в доме?! – воскликнул банкир.

– Да, мы думаем, что это так, – кивнул Кривобоков.

– Выходит, это... один из нас?! – воскликнула Настя.

– Выходит, что так, – подтвердил Лев.

– Ну, тогда да... пожалуйста, смотрите... – согласилась девушка.

Она первая расстегнула куртку, подняла руки, и стало видно, что нигде – ни за поясом, ни в карманах – ничего похожего на монтировку у нее нет. Затем ту же процедуру прошел и Саенко.

Когда Кривобоков осматривал банкира, из гостиной вышли Ирина Валерьевна с дочерью. Они остановились в дверях, с удивлением наблюдая за странным зрелищем.

– И что это значит? – с надменным видом спросила Ирина Валерьевна.

– Это значит, что мы производим досмотр, – повернулся к ней Гуров. – Ищем орудие убийства.

И он повторил объяснение, которое только что давал супругам Саенко. Настя и Сергей не стали участвовать в начавшейся перепалке и поспешили уйти. А Ирина Валерьевна и Ксения, высказав Гурову и Кривобокову свое недоумение и возмущение, вернулись в гостиную.

– Ну вот, теперь на нас выбежит сам Константин, и придется все повторять в третий раз, – заметил Кривобоков. – Лучше было сначала пойти туда и все рассказать сразу всем.

– Ты же понимаешь, что мы не могли это сделать, не осмотрев холл. Мы должны были исключить одну из возможностей. И, кстати, теперь придется кому-то из нас или постоянно дежурить здесь, в холле, или запереть дверь и выпускать и впускать тех, кто пожелает прогуляться.

– Да, придется, – тяжело вздохнул криминалист. – Ладно, как-нибудь справимся.

В это время из гостиной быстро вышел Кувшинов. Его лицо выражало возмущение.

– Что это значит?! Почему вы решили хозяйничать у меня в доме? Почему проводите обыски гостей?

– Ты, Костя, наверное, забыл, что мы тоже в какой-то степени твои гости, – спокойным тоном произнес Гуров. – Так что часть гостей решила обыскать другую часть. Считай, что это еще одна увлекательная игра. Ну, как в фанты.

– И ты можешь с этим шутить?! – Возмущение хозяина усадьбы только усилилось. – Нас подозревают черт знает в чем, а ты с этим шутишь?!

– Не черт знает, а в убийстве, – поправил его Лев, став серьезным. – И у нас для этого есть все основания. На теле погибшего мы обнаружили синяки и шрамы, которые он никак не мог получить при падении. Есть и еще некоторые косвенные признаки, говорящие о том, что мы имеем дело с убийством, причем с убийством, заранее спланированным. И мы с Павлом здесь не амбиции свои проявляем и не в игрушки играем, а работаем. Так уж получилось, Костя.

– Убийство... Надо же... В моем доме! – поникшим голосом пробормотал Кувшинов.

– Да, в твоём доме, – подтвердил Гуров. – И вот тут нам потребуется твоя помощь. Скажи, где в твоём доме может спрятаться посторонний?

– Посторонний? – переспросил Константин Геннадьевич и поднял голову, его взгляд снова стал осмысленным. – Так ты считаешь, что убийство совершил чужой человек?

– Пока я ничего не знаю, – ответил сыщик. – Но не исключаю такую возможность. Сейчас мы с Павлом выяснили, что за последний час никто в дом не входил – по крайней мере, в эту дверь. Отсюда у меня два вопроса: есть ли в доме еще двери, и есть ли помещения, где подолгу никто не бывает и где можно спрятаться?

– Дверь есть, из подвала, где ты уже был. Если хочешь, мы туда спустимся и посмотрим.

– Нет, не надо. Мы с Павлом там все хорошо осмотрели – правда, Паша?

– Да, никаких следов там не было, – подтвердил Кривобоков.

– А вот помещений много, – продолжил Кувшинов. – Пойдем, обойдем весь дом. Павел с нами пойдет?

– Нет, я останусь здесь, – ответил криминалист. – Буду выполнять роль сторожа.

– Ну, хорошо... Но если мы кого-то найдем... Справимся ли мы с ним вдвоем? У тебя ведь оружия с собой нет, я прав? – спросил он Гурова.

– Оружия нет, – сказал тот. – Но ты опять забыл, Костя, что я пока что на службе. И навыков не утратил. Так что, если этот «кто-то» не Брюс Ли, я с ним как-нибудь справлюсь.

– Ладно, пойдем, – сказал хозяин. – Наверное, давай начнем сверху, с чердака. – Только... – замялся он, – я хотел бы вернуться в гостиную, сказать Ирине... ну, и Витале с девочками, в чем дело. И еще, они могут идти к себе?

– Конечно, могут, – ответил Гуров. – Все, кто находится в доме, совершенно свободны в своих действиях. Нельзя только выходить из дома без осмотра. А потом, когда мы с тобой осмотрим дом, я хотел бы собрать всех, включая твою горничную Таню, в гостиной, чтобы мы с Павлом могли задать всем несколько вопросов.

– Хорошо, я так и передам, – сказал Кувшинов и направился в гостиную.

Пробыл он там не слишком долго, вскоре вернулся, и они с Гуровым пошли осматривать дом.

В течение следующего часа Лев в сопровождении хозяина побывал во всех комнатах, чуланах и других помещениях поместья, но нигде не обнаружил ни постороннего, ни следов его пребывания, ни того, что они искали с Кривобоковым – той самой палки, которой было совершено убийство. Когда спустя час они вернулись в холл, криминалист все так же дремал, сидя в кресле в углу.

– Ну что, как результаты? – спросил он, потянувшись. – Нашли что-нибудь?

– Забытый ящик консервов в подсобке возле кухни и груды всякой одежды, которой никто не пользовался. Больше ничего. А как у тебя? Супруги Саенко все еще гуляют?

– Нет, вернулись полчаса назад, – ответил Кривобоков.

– Значит, все в сборе, – заключил Гуров. – Можно проводить общее собрание. Костя, позови, пожалуйста, своих. Пусть вернутся в гостиную. И Татьяне скажи. А я извещу Саенко.

– А мне что делать? – спросил криминалист. – Так тут и сидеть?

– Не вижу смысла. Все, кто находится в доме, будут в гостиной. Гостей мы не ждем. Так что пошли с нами, тоже поучаствуешь в общей беседе.

Спустя несколько минут все обитатели «Заречья» собрались в гостиной. Гуров встал возле двери и обратился к собравшимся:

– Я попрошу всех занять те места, которые они занимали, когда погас свет. Вспомните, пожалуйста, кто где стоял или сидел. Таня, вы сядьте здесь – это было мое место.

Люди задвигались, меняясь местами. Послышались возгласы: «Нет, мне кажется, здесь я сидела», «Нет, мама, ты была вон там, в углу», «А я где была?» Наконец все заняли свои места.

– Итак, я напомним, как развивались события, – начал Лев. – Когда случилась первая авария – возможно, порвался где-то кабель, – Борис Бабченко вместе с Костей спустились в подвал и включили генератор. Я в это время ждал их в холле. Бабченко обещал мне рассказать о некоторых своих догадках, связанных... впрочем, это отдельная история, и сейчас не время ее рассказывать. В общем, он хотел поделиться со мной важной информацией. Почему я это сейчас говорю? Потому что эта информация, которой владел механик, могла стать причиной его убийства. Ведь у каждого преступления, если это умышленное преступление, есть серьезная причина. Так вот, Бабченко могли устранить, чтобы он не смог рассказать мне то, что знал.

– Но о том, что Бабченко в холле тебе что-то шепнул, знал только я, – заметил Кувшинов. – Что именно он тебе говорил, я не расслышал, но видел, что вы шепчетесь. Помню, меня это еще немного рассердило, и я тебя спросил, когда ты собираешься вернуться в гостиную. Больше никто не видел, что вы разговариваете. Выходит, это я убийца? Я хотел, чтобы ваш разговор не состоялся? Но это же абсурд!

– В оперативной работе нельзя исключать никакие версии, – ответил Гуров. – И слово «абсурд» мы не используем. Но в данный момент тебя, Костя, никто не обвиняет – я тебе это уже говорил. Бабченко мог кому-то еще проговориться, что хочет мне что-то сообщить. Например... например, нашей милой Татьяне. – Он повернулся в сторону кухарки, которая при этих словах пришла в растерянность. – Я за эти дни заметил несколько сцен, когда вы с погибшим беседовали, думая, что вас никто не видит, и сделал вывод, что вы с ним не просто коллеги по работе, что вас связывает нечто большее. Ведь так?

– Вообще-то это никого не касается, – заявила кухарка. – Это было наше с Борей личное дело.

– Я и не сомневаюсь, что это было ваше личное дело. Я только хочу сказать, что вы были близким ему человеком, и он мог с вами делиться некоторыми своими наблюдениями. Ведь делился?

– Кое-что говорил, это так, – призналась кухарка.

– Этого достаточно, – сказал Гуров. – Теперь перейдем к главному. Я собрал вас вместе за тем, чтобы определить: кто из вас выходил из гостиной за то время, пока не было света. Именно этот человек, скорее всего, и убил механика.

– Но мне кажется, никто не выходил, – заговорил Саенко. – Я, во всяком случае, этого не слышал.

– Ты, Сережа, все-таки не сова, чтобы все слышать, – заметила на это Настя. – А мне вот в какой-то момент почудились вроде бы чьи-то шаги.

– Вот, я тоже слышал чьи-то осторожные шаги, – кивнул Лев. – Вопрос – чьи? Ну, себя я из списка подозреваемых, с вашего разрешения, исключу. И Павла Петровича Кривобокова тоже. А также я сразу исключу Костю.

– Это, конечно, правильно, – сказал Виталий. – Но все же интересно, почему вы так уверенно исключаете папу из числа подозреваемых?

– Потому что, услышав эти шаги, я сразу спросил Константина, не он ли вышел. Помните, какой ответ я получил? Костя стал надо мной издеваться, предложил отвести в постель... Значит, он находился в комнате.

– Тогда, может, это Ирина Валерьевна ходила? – внезапно предположила Таня.

– Татьяна, как ты можешь?! – воскликнула хозяйка усадьбы. – Значит, по-твоему, это я убила Бориса?

– Я все могу! – парировала Татьяна. – У меня дорогого мне человека убили, и я хочу знать, кто это сделал. Не меньше вас хочу. – Эти слова она произнесла, повернувшись к Гурову. – А вы, Ирина Валерьевна, Бориса за человека не считали. Да и меня тоже. Всегда его презирали.

– Понимаю, – кивнул Гуров. – Однако из-за презрения не убивают. Кроме того, Ирина Валерьевна так же не могла быть убийцей, как и ее муж.

– А это почему? – поинтересовался Саенко.

– Потому что, когда Костя стал надо мной подшучивать, раздался смех. Первой рассмеялась Настя, потом Лена, Ксения и Ирина Валерьевна. Я хорошо это запомнил. Значит, они тоже были в это время в комнате.

– Тогда что же получается? – заключил Виталий. – Остаемся только мы с Сергеем. Но я...

– Ты как приземлился на стул, так уже и встать не мог, – заметила его жена.

– Хотя и порывался совершить какой-нибудь подвиг, – поддержала ее Ксения. – Виталий сидел слева от меня, и я все время слышала, как он сопит и что-то бормочет.

– Да, я тоже это слышал, – поддержал ее Кривобоков. – Я с другой стороны сидел.

Наступило молчание. Взоры всех, кто был в комнате, обратились на Сергея Саенко.

Глава 10

Банкир затравленно оглянулся.

– Вы что?! – воскликнул он. – Что вы хотите сказать?! Что это я убил Бориса? Но зачем? С какой стати?!

– Мало ли какая может быть причина? – рассудительно заметила Ирина Валерьевна. – Может, он на Настю заглядывался? Могло такое быть? Могло. И мне даже вспоминается, что я заметила пару раз, как покойный с ней заигрывал...

– Глупости вы говорите! – ответила ей Татьяна. – Глупости и мерзости! Ни с кем Боря не заигрывал!

– Ну, конечно, тебе хочется думать, что он на тебя одну смотрел, – усмехнулась Кувшинова. – Влюбленные так слепы...

– Не знаю, слепы они или не слепы, только нас с Сережей вы сюда зря впутываете! – гневно произнесла Настя. – Все это одни домыслы. Борис на меня и не думал заглядываться, а у Сережи никаких конфликтов с ним не было. А главное – все то время, пока не было света, Сергей находился в комнате. Я это могу с уверенностью сказать, потому что он все время насвистывал мелодию из «Крестного отца». Хотел так меня успокоить – знает, что я эту музыку люблю. Правда, Сережа?

– Да, ты угадала, – ответил Саенко. – Только, боюсь, одного твоего свидетельства будет маловато. А больше никто моего художественного свиста, наверное, не слышал...

– А вот и нет! – внезапно произнесла Лена. – Я слышала. Ты же справа от меня сидел. Слева был Виталий, он ворочался на стуле, дышал тяжело. Я его даже спросила тихонько: «Ты что, тебе плохо?» – но он ничего не ответил. А справа Сергей сидел. И верно, я теперь вспомнила, что он все время насвистывал.

– Так что же получается? – недоуменно произнес Константин Геннадьевич. – Получается, что никто из комнаты не выходил. Но и постороннего в доме не было. И в дверь никто не входил – Лев с Павлом это проверили. Выходит, что никто убить Бориса не мог! – Он повернулся к Гурову: – Так, может, вы с Павлом все-таки ошиблись и налицо несчастный случай? А травмы, о которых вы говорите, Борис мог получить и раньше. Например, возился с катером, а на море качка, его бортом ударило – вот и травма...

– Мне бы самому хотелось, чтобы мы ошиблись и это был бы несчастный случай, – ответил Лев. – Но, к сожалению, факты говорят другое. Такие травмы нельзя получить случайно. К тому же они были совсем свежие. Для полной уверенности нам нужно найти орудие убийства. Поэтому в ближайшее время мы сосредоточимся на этом. Что же касается неудачи нашего следственного эксперимента с рассаживанием и установлением действий каждого... Я думаю, что пока нельзя делать никаких выводов.

– То есть как? – удивился Кувшинов. – Ты же сам все слышал. У всех, кто находится в этой комнате, есть алиби. У каждого есть свидетели, которые утверждают, что он из комнаты не выходил. Вот тебе и вывод: среди присутствующих убийцы нет. И в доме нет. Значит, его нет вообще. Ты, Лев, просто не хочешь признать свою ошибку.

– Давай решим так, – остановил его Гуров. – Сейчас уже поздно, скоро двенадцать. Пора спать ложиться. Ночью, я надеюсь, никому гулять по берегу озера не захочется. Пусть дверь остается закрытой до утра. Завтра утром мы возобновим поиски орудия преступления. Если до полудня мы его не найдем – режим «домашнего ареста» отменяется, и все могут передвигаться как им хочется.

– Да, передвигаться! – воскликнула Ирина Валерьевна. – Только не гулять по этому дурацкому берегу, а уехать! Немедленно уехать отсюда – вот чего я хочу!

– Боюсь, с этим у вас не получится, – покачал головой Лев. – Пока продолжается ураган, уехать отсюда никому не удастся ни по воде, ни по суше, ни воздушным путем. Тем более теперь, когда погиб механик.

– Выходит, мы здесь заперты, как звери в клетке? – воскликнула хозяйка, и в ее голосе прозвучали истеричные нотки. – Что мы попали в западню?

– Ну, западня или нет, а пока вам придется остаться здесь, – заключил Гуров. – Ладно, все свободны. Как я уже сказал, входная дверь будет заперта, и ключи останутся у Павла Петровича. Утром – скажем, часов в восемь – мы ее откроем для желающих совершить прогулку. Но только под нашим контролем. А сейчас – всем спокойной ночи.

Ответом ему было гробовое молчание. Все так же молча люди начали расходиться, и вскоре гостиная опустела, остались только Гуров с Кривобоковым.

– Ну, и что ты об этом думаешь? – спросил криминалист. – Ситуация прямо патовая. Из гостиной никто не выходил, в дом никто не входил, а значит, убить механика никто не мог. И орудия преступления нет.

– Не совсем так, – возразил Гуров. – Я уверен, что кто-то выходил из комнаты. Больше того – я это твердо знаю. Дело в том, что я протянул руку и коснулся человека, который двигался по комнате. Но только коснулся – он ускользнул от меня.

– Как это возможно? – удивился Кривобоков. – Мы же установили, что никто не вставал!

– Нет, не так, – покачал головой Лев. – Это собравшиеся здесь утверждали, что никто из них не вставал, но кто-то из них лжет. И даже, может, не один человек, а несколько. Один – убийца – покидал комнату, а еще один или двое выступают свидетелями и показывают, что говорили с ним или слышали.

– В таком случае это должны быть, скорее всего, родственники. Или это Кувшиновы, старшие или младшие, или Саенко, муж с женой, – заключил криминалист. – Но когда я начинаю думать, что это Костя с Ириной или эти милые девушки – Ксения, Лена, Настя, у меня все в душе говорит, что такого быть не может. Понимаешь, психологический портрет преступника не складывается. И потом – какой мотив? Где, когда механик мог перейти дорогу Насте, Сергею или той же Ирине? А если он перешел ее Косте, то ему проще было его просто уволить!

– Да, все правильно, – кивнул Гуров. – И тем не менее я уверен: убийца находится среди нас. Надо признать, что я давно не сталкивался с такой трудной загадкой, как это дело.

– Ну, и как же мы будем решать этот ребус?

– Через поиски монтировки, – уверенно ответил Лев. – Найдем орудие убийства – найдем и убийцу.

– И где мы будем его искать? Часть дома мы с тобой обшарили...

– Большую часть, – уточнил Гуров. – Когда мы с Костей лазили по чердакам и подвалам, я не столько следы постороннего искал, сколько эту самую монтировку. Но нигде не нашел. Значит, она может находиться только в одном месте...

– Ага, понял! – воскликнул Кривобоков. – В комнате самого убийцы, верно?

– Да, или в комнате его сообщника. Или сообщницы.

– Так ты что, завтра хочешь устроить обыск?

– Другого выхода я не вижу, – пожал плечами Гуров. – Мы с тобой, конечно, можем перерыть еще раз все подвалы и подсобки, но я уверен: это будет пустая трата времени.

– Но можно и не устраивать обыск, так сказать, официально, – заметил Кривобоков. – Просто предложить всем прогуляться, а один из нас останется и осмотрит комнаты.

– Да, этот вариант мне больше нравится, – согласился Гуров.

...Хотя перед сном Лев дал себе команду хорошенько выспаться, мозг не желал подчиняться. Спалось ему плохо. Он несколько раз просыпался, прислушивался. Завывал ветер, дождь все так же барабанил по крыше, и только эти звуки и было слышно. Наконец ему удалось

крепко уснуть, даже сон какой-то приснился. И вдруг он проснулся, словно от звонка будильника, и сел на кровати.

Все так же завывал ветер, дождь, кажется, кончился, ничего больше не слышно, но у сыщика было явное ощущение, что что-то происходит. Он натянул джинсы и спустился в гостиную.

Еще с лестницы Лев увидел то, что его разбудило: входная дверь была открыта настежь! Он кинулся туда, выбежал на веранду. Огляделся по сторонам – никого. «Значит, у кого-то есть второй ключ. И он решил выйти, избавиться от улики, пока никто не видит».

Вдруг дверь за его спиной внезапно хлопнула, закрываясь, и в замке повернулся ключ. А еще чуть шевельнулись жалюзи, словно кто-то на секунду выглянул наружу. Гуров понял, что убийца его провел: он оставался в доме, а может, уже успел реализовать свой замысел и вернулся, стоял за приоткрытой дверью. Лев прошел буквально в шаге от него, а теперь остался снаружи.

«До утра я здесь явно не выдержу, – подумал он. – Надо вернуться. Но, чтобы вернуться внутрь, надо выйти наружу».

Гуров вышел из-под навеса и двинулся вокруг дома, вглядываясь в окна второго этажа. «Ага, вот это окно, ведущее на лестницу, – размышлял он, – это мое... А вот это, кажется, Павла». Подобрал с земли камешек и запустил в окно. Потом второй... Больше не потребовалось: в окне показалось лицо Кривобокова. Он мигом узнал Гурова, кивнул и скрылся.

Спустя минуту в холле вспыхнул свет, в двери щелкнул ключ, и Лев снова оказался в тепле.

– Что случилось? – спросил криминалист. – Как ты оказался снаружи?

Гуров коротко рассказал о случившемся.

– Он провел меня, что называется, на мякине. Если бы он меня не запер и я не потерял время, кидая камни тебе в окно, можно было бы поднять всех и попробовать найти человека, который недавно выходил наружу.

– Да, это можно определить по температуре рук, ног, по частоте пульса, – согласился Кривобоков.

– Но все это можно было бы сделать десять минут назад, а сейчас дыхание у него восстановилось, и мы ничего не определим. Разве что обувь...

Лев вернулся к двери и оглядел висевшие на вешалке дождевики.

– Вот, смотри. Это дождевик, в котором он выходил, – он еще мокрый. Хотя дождя сейчас нет, но морось сыплется, и дождевик влажный. А вот и сапожки – совсем мокрые...

Действительно, под дождевиком на полу стояли низкие боты большого размера. Глядя на них, Гуров покачал головой.

– Дело плохо, Паша. Преступник очень хитер и изворотлив. Видишь, он заранее предвидел, что его могут вычислить по мокрой обуви, и не стал обувать собственные ботинки, а воспользовался этими ботами – они, как видно, принадлежали покойному механику. Из своей комнаты он вышел босиком и так же вернулся обратно. Так что сейчас мы его никак не определим. Подождем до утра.

– Но что мы будем делать утром? – воскликнул Кривобоков. – Убийца, скорее всего, успел избавиться от монтировки. Теперь искать ее в доме бесполезно!

– Значит, будем искать ее снаружи. Сменится место поиска, только и всего. А сейчас – пошли спать.

...Утром, когда обитатели усадьбы спустились к завтраку, Гуров объявил, что «домашний арест» снимается и после завтрака все могут беспрепятственно выходить из дома.

– А что такого случилось, что вы решили нас выпустить из-под замка? – спросила Настя.

– Оказалось, что преступник имеет дубликат ключей от входной двери, – объяснил Лев. – Он воспользовался этими ключами, чтобы ночью выйти и, видимо, избавиться от улики. Так что теперь искать ее в доме бесполезно.

– Значит, ночью кто-то выходил? – удивилась Ирина Валерьевна. – А я вот ничего не слышала – хотя сплю плохо. Можно сказать, совсем не сплю.

– Ну, ты, мама, вечно жалуешься, что плохо спишь, а сама всегда высыпаешься, – заметила Ксения. – А я вот на сон не жалею, но могу сказать, что этой ночью я что-то слышала. Мне показалось, что звенело стекло...

– Было такое, – согласился Гуров. – Это я подавал условный знак Павлу Петровичу. Мы тут ночью проводили целую операцию по поимке и задержанию убийцы. Но, к сожалению, она не увенчалась успехом.

Говоря это, он внимательно вглядывался в лица сидящих за столом. Сыщик надеялся, что убийца, так удачно заперший его на улице, выдаст себя победной усмешкой – хотя бы самой крошечной. Ведь только он один мог знать, что означают слова Гурова об «операции по задержанию убийцы». Однако лица всех оставались спокойны. Между тем Ксения продолжила свою речь:

– А еще я слышала шаги. Кто-то прошел мимо моей двери. Очень осторожно, но я слышала.

– Ну, это опять-таки были мы с Павлом Петровичем... – начал было Гуров, но остановился. – Погодите, – сказал он, повернувшись к Ксении. – Но вы не могли слышать наших с Павлом шагов – наши окна находятся по другую сторону от лестницы, и мы в вашу сторону не поворачивали.

– Тем не менее это факт – ночью я слышала шаги, – твердо заявила Ксения.

– Да, верно, – подтвердила Лена. – Я сейчас вспоминаю: я тоже что-то слышала. Ты вечно дрыхнешь, – обратилась она к мужу, – а мне ночью не спалось. И в какой-то момент я услышала, как мимо нашей двери кто-то прошел. Я ждала, что будет дальше, но больше ничего не услышала и заснула.

– Погодите-ка, – сказал Гуров. – Дайте мне восстановить расположение комнат. Справа от лестницы живем мы с Павлом, а также Константин с Ириной. А слева – Ксения, потом Виталий с Леной и, наконец, Сергей с Настей. Стало быть, Лена и Ксения могли слышать шаги только того, кто живет дальше их от лестницы...

Взгляды всех сидящих за столом вновь, как и накануне, обратились к Сергею Саенко. Банкир покраснел, глаза у него сверкнули.

– Да что это такое! – воскликнул он, вскакивая с места, зазвенела упавшая вилка. – Вы упорно хотите представить из меня убийцу! Я твердо заявляю: никуда из дома я сегодня не выходил! И ключей от входной двери у меня нет и быть не может – я этот дом вижу в первый раз! И, надеюсь, в последний! – Он развернулся и быстро вышел из столовой. Настя поспешила за ним.

– Я вижу, Сережа как-то чрезмерно раздражен, – заметила Ирина Валерьевна, доедая десерт. – Мне кажется, это проявление чувства вины...

– Не думаю, что это чувство вины, – покачал головой Гуров. – И я не стал бы делать поспешных выводов. Мало ли что может кому-то ночью послышаться? Спасибо, все было очень вкусно. Пойду-ка я погуляю.

Он оделся и вышел наружу. Дождь, как ночью прекратился, так с тех пор не возобновлялся. Бетонная дорожка перед домом даже начала просыхать. Но небо оставалось все таким же серым, по нему быстро мчались темные тучи.

Позади вдруг хлопнула дверь. Лев обернулся, ожидая увидеть Кривобокова: он намеревался посоветоваться с криминалистом, разделить окрестности усадьбы на квадраты и начать поиски монтировки, которую, как он думал, ночью выбросил преступник. Однако это был

не Кривобоков: из дома, держась за руки, вышли Настя и Сергей Саенко. Они оживленно разговаривали, причем разговор у них был, как видно, веселый, потому что Настя смеялась. Но при виде сыщика супруги дружно замолчали и прошли мимо него, словно не заметив. У ворот немного посоветовались и свернули в сторону озера.

«Понятно, они считают, что я заодно с Ксенией и Леной, – понял Гуров. – Думают, что я, как и все, записал Сергея в преступники. Жаль, что Настя тоже так считает. Теперь она уже не захочет со мной общаться. А с ней было интересно».

Позади вновь стукнула дверь. На этот раз это был Кривобоков.

– Ну что, будем делить уголья? – спросил он, подходя.

– Сначала давай прикинем, где стоит искать, а где не стоит, – предложил Лев. – Будем исходить из того, что преступник, с одной стороны, хотел спрятать улику как можно надежнее, а с другой – торопился. Значит...

Он не успел закончить свое рассуждение. Со стороны озера показалась спешно поднимающаяся по лестнице Настя. Добежав до друзей, она воскликнула:

– Там... в озере... там лежит палка...

– Какая палка? – не понял Кривобоков.

– Ну, та, что вы ищите, – сказала девушка. – Кажется, неглубоко. Жаль только, что вы нас тут не обыскали. А то подумаете, что это мы принесли и бросили.

– Я этого и не думаю, – ответил Гуров. – Ну, пойдемте посмотреть вашу находку. Говорите, она лежит неглубоко?

Глава 11

Они втроем спустились к Байкалу. Волнение на озере немного улеглось, а здесь, в заливе, оно было еще слабее. У самого обреза воды стоял банкир Саенко. Когда сыщики подошли, он ничего не сказал и демонстративно отошел в сторону. Настя встала на его место и указала на воду:

– Вон, смотрите! Видите?

Гуров взгляделся – и действительно, буквально в трех метрах от берега на каменистом дне лежал прямой железный стержень. Правда, увидеть его можно было, только если приглядеться.

– Мне кажется, здесь не очень глубоко, – сказала девушка. – Если хотите, я могу слазить. Только купальник надену.

Однако Гуров припомнил разговор, который состоялся у него в самый первый день с Костей Кувшиновым, и покачал головой:

– Нет, вы ошибаетесь. Мне Кувшинов говорил, что здесь прямо возле берега то ли пять, то ли шесть метров. Так что надо не просто в воду зайти, тут нырять придется. А потом подниматься на поверхность, неся довольно тяжелую вещь. Надо подумать, как туда добраться...

– И думать надо быстро, – заметил Кривобоков. – Того и гляди, снова начнется дождь, поднимется ветер, и лезть в воду будет совсем неприятно.

– Над чем размышляем? – раздался позади них голос Константина Кувшинова. – Или просто любуемся пейзажем?

– Да нет, не пейзажем, – ответил Гуров, – а железной палкой на дне озера.

– Палка? Какая палка? – встревоженно спросил Константин Геннадьевич. Он спустился к воде, взглянул вниз на воду, и лицо его заметно вытянулось. – Да, действительно, это монтировка... – пробормотал он. – Кажется, Борис такой пользовался... Так вам надо ее достать?

– Да, надо, – кивнул Лев.

– Тогда я пойду, надену гидрокостюм. У меня есть такой, я иногда с аквалангом спускаюсь. Тут акваланг не потребуется, а костюм пригодится – от холода защитит.

Он ушел, и его не было минут пятнадцать. Снова начал накрапывать дождь, усиливающийся с каждой минутой. Супруги Саенко тихо поговорили о чем-то и направились к дому. У самых дверей они встретились с Кувшиновым: в резиновом гидрокостюме, он спускался к берегу. Подойдя к воде, надвинул на лицо маску, шагнул вперед (причем сразу погрузился по колено), затем мягко перевернулся и нырнул.

Гуров видел, как хозяин усадьбы достиг дна, схватил железный стержень и вынырнул. Спустя минуту он уже вылез на берег и протянул Гурову предмет, который держал в руке.

Это действительно была шоферская монтировка – крепкая, длиной около полуметра, один конец слегка сплюснен, чтобы удобно было снимать покрывки с дисков. Кривобоков взял ее из рук Гурова и сказал:

– Жаль, конечно, что у меня с собой нет анализатора, тогда бы я сразу смог определить, была на этой вещи кровь или нет. Но приложить ее к пролому на черепе я смогу, и к остальным ранам тоже. Тогда кое-что прояснится...

– Кое-что прояснится уже сейчас, – поправил его Гуров. – Причем это «кое-что» – очень важное. Теперь можно уверенно утверждать, что Бабченко именно убили. Потому что иначе нельзя объяснить, зачем кому-то потребовалось встать среди ночи, выходить под дождь, чтобы забросить эту палку в Байкал.

– Да, ты прав, – согласился Кувшинов. – Зря я на тебя наговаривал. Мне только одно непонятно: почему убийца бросил улику так близко от берега? Забрось он ее метров на десять-двенадцать, и мы бы нипочем монтировку не разглядели.

– А ты поставь себя на его место, – ответил Лев. – Ночь. Темно, ни зги не видать. Зажечь фонарик он боится – если в доме кто-то не спит, его сразу увидят. Времени у него в обрез – опять-таки, а вдруг кто-то не спит? Забросить монтировку подальше, конечно, хочется, но для этого надо подойти вплотную к воде, а если шагнешь, не рассчитаю, – сразу очутишься в воде сам, причем глубоко. Думаю, последние шаги перед обрезом воды он не шел, а крался, наклонившись... – Он вдруг наклонился и, не обращая внимания на припустивший дождь, стал разглядывать каменистый берег.

– Что ты ищешь? – хором спросили его Кувшинов и Кривобоков.

– Так, просто смотрю... Вдруг он что обронил? Ночью мог не заметить...

Лев развернулся, прошел еще немного, воскликнул неожиданно «Ага!», наклонился и что-то поднял с земли. Остальные шагнули к нему. Он держал в руке узенький черный тюбик. Это была тушь для ресниц.

– Это что же получается? – недоуменно спросил Кувшинов. – Что убийца – женщина?

– Может быть, – сказал Гуров. – Может, убийца, а может, его пособница. Она сама не убивала, но ей почему-то было удобнее выкинуть улику. Во всяком случае, без женщины тут не обошлось. – Он бережно завернул тюбик в полиэтиленовый пакет и положил в карман.

– Так что же получается, выходит, преступник не один?! – воскликнул изумленный Кувшинов. – Их двое?

– Мне с самого начала так казалось, – ответил Гуров. – И знаешь почему? Потому что, только имея сообщника, можно обеспечить себе алиби. Но пока что это лишь домыслы, все может обстоять иначе. Преступление мог совершить и один человек, только очень хитрый. А тюбик он нам подбросил нарочно, чтобы сбить со следа.

– А могла женщина убить Бориса? – спросил Кувшинов, по очереди поглядывая то на Гурова, то на Кривобокова.

– Вряд ли, – задумчиво произнес криминалист, покачивая в руке монтировку. – Чтобы нанести этой штукой удар нужной силы, необходимо быть достаточно сильным человеком. И потом, мы знаем, что убийце не удалось застать Бабченко врасплох, он обернулся, пытался сопротивляться, возникла схватка. Нет, женщине, если только она не обладает специальной подготовкой, это не удалось бы.

– Я тоже так думаю, – согласился Гуров. – Ну, спасибо, Костя, что помог добыть улику. А теперь давайте все-таки вернемся в дом, в то я уже порядочно промок.

Они повернулись и направились к дому. В холле было пусто и тихо – видно, все сидели у себя по комнатам. Гуров заявил, что найденный тюбик он будет держать у себя.

– Кстати, про этот тюбик, – заметил криминалист. – Интересно, откуда у тебя в нужный момент взялся полиэтиленовый пакет? Ты что, заранее знал, что мы что-то найдем?

– Да нет, не знал, конечно, – ответил Лев. – Просто привычка. Я всегда, когда выхожу на поиски улик, беру с собой какую-то тару.

– Теперь, зная марку этой туши, мы легко сможем вычислить хозяйку, – сказал Кувшинов и тут же помрачнел.

Гуров понял, почему: почти все женщины в доме приходились ему родственницами.

– Нет, это может оказаться не так легко, – покачал он головой. – Если марка известная, раскрученная, то ею могут пользоваться несколько дам. И опять же, это лишь косвенная улика. Тюбик могли и подбросить, чтобы вызвать подозрение против какой-то женщины. Как уже вызвали подозрение против Сергея Саенко.

– Так ты считаешь, что Саенко тут ни при чем? – спросил Кувшинов.

– Ну, совсем уверенным в этом быть нельзя, но мне кажется, что так. Послушай, Костя, у меня к тебе просьба...

– Да, говори.

– Тебе было бы удобней, чем другим, выяснить, кто из женщин пользуется такой же тушью, что мы нашли, – сказал Гуров. – Повторю: само по себе это еще ни о чем не говорит. Просто мне бы хотелось иметь такую информацию.

Кувшинов вновь помрачнел, но твердо произнес:

– Хорошо, я посмотрю. А пока пойду переоденусь, замерз я в этом костюме.

– Ну, что, Паша, пойдем прикладывать нашу находку к трупу? – повернулся Лев к Кривобокову.

– Да, пошли, – согласился криминалист, и они отправились в подвал.

Там Кривобоков начал примерять найденную улику к телу погибшего механика: сначала к голове, затем к руке и плечу. Он долго этим занимался, что-то замерял, затем выпрямился и сделал свое заключение:

– Да, Борис Бабченко, несомненно, был убит этой монтировкой. Убийца держался вот за этот конец, а бил той стороной, которая загнута.

– Теперь скажи мне, хорошенько подумав: могла ли это сделать женщина? – спросил Гуров.

– Думаю, что нет, не могла. Если только не занималась специально тяжелой атлетикой или карате. И Сергей Саенко, кстати, тоже не мог.

– Почему? Разве он такой слабый? Мне так не показалось, – заметил Лев.

– О его силе ничего сказать не могу, а вот его рост я себе представляю. В нашем банкире не больше ста семидесяти сантиметров. А в убийце должно быть не меньше ста семидесяти семи-восьми. А лучше – сто восемьдесят.

– А, ты судишь по ранам! – догадался Гуров.

– В основном – по ране на плече, – уточнил криминалист. – Она, видимо, была нанесена в первую очередь, еще когда механик стоял на табурете. Именно этот удар и свалил его на пол. Так вот, человек, который произвел этот удар, был выше Бабченко, в этом у меня нет никаких сомнений. Потом, когда механик упал, его ударили второй раз – теперь уже по пальцам, и потом был нанесен третий удар, оказавшийся смертельным. Тут уже о росте убийцы судить трудно.

– Тогда у нас остается фактически всего двое подозреваемых: это отец и сын Кувшиновы, – заметил Гуров. – Если только не подозревать самих себя. Но сначала давай все же отработаем «женский» вариант. Все наши женщины производят впечатление достаточно хрупких и женственных. Но так ли это на самом деле? Ведь сила не всегда проявляется наглядно...

– Это верно, – произнес Кривобоков. – Вот хотя бы взять тебя. На вид ты не силач, но я знаю, каков ты в деле.

– Да у многих людей так. Тяжелую атлетику или, скажем, рестлинг оставим в стороне. А вот если женщина регулярно занимается в зале, причем не только делает растяжку, но и работает на тренажерах, силы у нее вполне достаточно, а внешне это не слишком заметно.

– Согласен, – кивнул Павел. – Тогда... Тогда можно исключить, пожалуй, только Ирину Валерьевну. Все-таки возраст...

– Нет, я не стал бы ее исключать, – задумчиво проговорил Гуров. – Не забывай, что она в прошлом балерина. То есть человек, привыкший к постоянному тренингу. И я слышал, что она занимается фитнесом.

– Значит, что же получается? – подвел итог Кривобоков. – Убийство могли совершить отец и сын Кувшиновы, а также Лена, Настя, Ксения и Ирина Валерьевна.

– Ты еще забыл добавить Татьяну, кухарку, – напомнил Лев.

– Но ведь погибший был ей близким человеком! – возразил криминалист. – Помнишь, как она о нем говорила?

– Помню, конечно. Но ведь мы, Паша, с тобой оперативники. А значит, знаем, что люди склонны скрывать свои подлинные чувства и изображать несуществующие. Каких только душераздирающих историй о «великой любви» и «ужасной скорби по убитому» мне не при-

шлось слышать! Причем охотнее всего такие истории рассказывали как раз убийцы... Так что Татьяну из числа подозреваемых исключать никак нельзя.

– Таким образом, у нас семеро подозреваемых, из них пять женщин.

– Совершенно верно. И обрати внимание на то упорство, с каким они переводят наше внимание на Сергея Саенко.

– То есть кто-то из них врет?

– Несомненно. Кто-то его сознательно топит. Именно это упорство, совпадение свидетельств, когда все стали говорить, что слышали шаги со стороны комнаты Саенко. Я тогда уже решил, что что-то тут не так.

– То есть врут или Лена, или Ксения, или Ирина Валерьевна?

– А может, все вместе. Может, все Кувшиновы находятся в створе, – пожал плечами Гуров.

– Ну, это ты загнул! – покачал головой криминалист. – Зачем тогда Косте нам помогать, лезть в ледяную воду?

– А что ему оставалось делать? Сказать, что он тут ни при чем? Тогда бы он увеличил наши подозрения. А сейчас, как видно, перетянул тебя на свою сторону.

– Но зачем, скажи на милость, Кувшиновым убивать своего механика? – недоумевал Кривобоков. – Как ты это объяснишь?

– Очень просто. Есть такое слово «шантаж». Думаю, оно тебе известно. Ты уверен, что Костя ведет свой бизнес, не нарушая никаких законов? Я вот не уверен. Или, скажем, не Костя, а его сын. Или дело не в бизнесе, а в амурных связях. Допустим, у одного из мужчин есть интрижка на стороне, и Бабченко стало об этом известно, и он взял своих хозяев за горло. Могло такое быть?

– Все могло быть, – ответил Кривобоков. – Только такая вещь, как шантаж, не очень вяжется с характером Бабченко, насколько я его успел узнать. Не согласен?

– Да, не вяжется, – был вынужден согласиться Гуров. – Но мало ли что бывает... Или, допустим, не было шантажа. Просто механику случайно стала известна какая-то семейная тайна, которую Кувшиновы очень хотели бы скрыть. Вот они и решили скрыть самым простым и надежным способом...

– Да, такое возможно... – подумав, кивнул криминалист.

– Хорошо, давай примем это как рабочую гипотезу, – предложил Лев, – и давай теперь серьезно, не спеша поразмышляем, кто же мог убить Бабченко.

– Давай. Версию о неизвестном, который непонятно как проник в дом, убил механика, а потом испарился, словно облако, мы отвергаем?

– Отвергаем, – подтвердил Гуров.

– Сергея Саенко из числа подозреваемых исключаем? Во-первых, потому что ростом не вышел, а во-вторых, из-за того, что остальные его так усердно топят?

– Боюсь, как бы не вышло ошибки... Возможно, мы...

Тут Лев замолчал, прислушался и сделал Кривобокову знак, чтобы тот начал что-нибудь говорить – все равно что. Криминалист сразу понял и сказал громче:

– Да, тут есть возможность ошибки, но надо принять эту версию, чтобы...

Пользуясь его речью, как шумовым прикрытием, Гуров на цыпочках двинулся к двери – войдя в ледник, он оставил ее приоткрытой. За ним последовал Павел. Им оставалось пройти около метра, когда дверь вдруг захлопнулась, словно сама собой, и послышался звук задвигаемого засова. Гуров кинулся к двери и забарабанил в нее. Ответом ему была тишина. А вслед за этим в подвале погас свет.

Глава 12

– Похоже, мы влипли, – сказал Лев, обернувшись к товарищу. – Телефонов у нас с тобой нет, да они здесь и не действуют. Теперь нас освободят, только если хватятся и начнут искать. Да, везет мне! Второй раз за сегодняшний день где-то запирают. То на улице, то в подвале...

– Выходит, убийца или его сообщник нас подслушивал, – сказал Кривобоков.

– Возможно, первоначально у него не было плана нас запирать. Он пошел на этот шаг, когда догадался, что я его сейчас разоблачу. Но как он догадался? То ли у него слух, как у кошки, то ли... А, понял! Тень!

– Какая тень?

– На пол падали наши тени от лампы. Когда я пошел к двери, тень протянулась к порогу.

– Да, верно. Ну что, может, покричим?

– Вряд ли из этого будет толк, – заметил Гуров. – Убийца, скорее всего, закрыл дверь в подвал тоже, так что в холле наших криков не услышат, тем более в столовой. Но для очистки совести можно немного покричать. Только сначала давай засечем время. – Он взглянул на светящийся циферблат часов: – Так, 10.53.

– Хочешь потом попробовать установить, кто все же нас запер? – догадался Кривобоков.

– Да, попробую, – кивнул Гуров. – Ну что, кричим?

Они несколько минут дружно кричали: «Люди! Костя! Мы здесь!» – но никакого отклика не последовало.

– Ладно, хватит, только горло напрасно надрываем, – сказал Гуров. – Давай лучше продолжим наше обсуждение. Теперь уж нас точно никто не подслушает.

– Да, будем считать, что это мы сами заперлись, для конспирации, – пошутил криминалист. – Итак, на чем мы остановились?

– На том, что решили исключить из числа подозреваемых Сергея Саенко. А я как раз сомневался, можно ли это делать. Ну, хорошо, давай исключим.

– Тогда логично исключить и его жену, – продолжил Кривобоков. – Что называется, «муж и жена – одна сатана», а они на редкость дружно держатся вместе.

– Вот еще одно допущение, – покачал головой Лев. – Мы с тобой вступаем на шаткую почву домыслов и догадок. Ну, ладно, давай исключим и Настю. Тем более что она вызывает у меня симпатию, и не хотелось бы думать о ней плохо.

– Вот и не думай. Тогда получается, что в роли убийцы мог выступить кто-то из Кувшиновых или же кухарка Татьяна Лоскутова.

– Да, Татьяна... – задумчиво произнес Гуров. – У нее было больше возможностей для убийства, чем у тех, кто находился в комнате. Ей не надо было придумывать алиби – ее и так никто не контролировал. Кроме того, погибший ей доверял и не удивился бы, если бы она спустилась в подвал и подошла к нему. А что у нее с ростом?

– Я ее рост, конечно, не замерял, – сказал криминалист, – но присматривался. Она носит обувь сорокового размера, довольно крупную для женщины. Мне кажется, в ней не меньше ста семидесяти пяти сантиметров.

– То есть очень близко к тому, что нужно для нанесения смертельного удара Бабченко, – заключил Гуров. – Теперь давай посмотрим, какие косвенные улики говорят против нее. Только она могла незамеченной пройти в подвал, убить механика и вернуться к себе на кухню. Для всех остальных это было трудно, почти невозможно. Ей же было легче ночью выйти из дому и выбросить монтировку: она живет на первом этаже, отдельно от остальных, и ее уход и приход никто бы не услышал. Наконец она обладает физическими данными, достаточными для того, чтобы совершить убийство: ростом, силой. Вот, пожалуй, и все.

– Нет, не все, – возразил Кривобоков. – Именно Татьяне было легче, чем остальным, заготовить дубликаты всех ключей в доме, в том числе от входной двери.

– Да, согласен, – сказал Гуров. – Что касается мотива убийства, то можно предположить, что они с Бабченко поссорились. И сейчас кухарка только разыгрывает перед нами горе от утраты.

– Да, но в таком случае трудно представить, кто бы мог стать ее сообщником, – заметил криминалист. – А мы вроде договорились, что преступников было двое.

– Нет, это пока лишь предположение, и касается оно только Кувшиновых. Вот если убийца – кто-то из них, тогда ему трудно было действовать в одиночку. А Татьяна могла управиться одна.

– Но тогда именно она заперла нас здесь, в подвале, – заметил Кривобоков. – И ее надо проверить в первую очередь. Если, конечно, мы отсюда выберемся и сможем кого-то проверять. Тебе, кстати, не кажется, что здесь стало труднее дышать?

– Да, труднее, – подтвердил Гуров. – Тут, видимо, нет вентиляции. А еще холодно. Меня уже начал озноб пробирать. Но ничего, Паша, прорвемся. Мне и не в такие переделки приходилось попадать.

– И все же давай еще покричим, – предложил криминалист. – А то мы словно в прятки играем.

– Давай покричим, отчего ж не покричать, – согласился Лев.

Они вновь начали дружно звать на помощь, причем Кривобоков сопровождал крики мощными ударами в дверь монтировкой. Покричав минут пять, Гуров махнул рукой.

– Ладно, хватит пока. Видно, нам суждено провести здесь еще некоторое время. Продолжим «разбор полетов». Итак, в пользу версии о Татьяне, как убийце Бориса Бабченко, говорит много факторов. Осталось найти у нее одежду со следами крови – и дело можно считать раскрытым. Кстати, не помнишь, что на ней было вчера вечером?

– Сейчас, дай вспомнить... – задумчиво проговорил Кривобоков. – Кажется... кажется, на ней было такое голубенькое платье в мелкий горошек. И еще передник.

– Да, верно. Значит, надо осмотреть это платье и передник. А если их не окажется и хозяйка не сможет объяснить их отсутствие, это будет еще одна улика против нее, и очень серьезная.

– Ну, избавиться от следов крови очень сложно. Современные методы помогают обнаружить их на обуви, даже на нижнем белье, которое было на убийце. Или, скажем, на полотенце, которым она вытирала руки сразу после убийства...

– Хорошо, пока оставим Татьяну Лоскутову в стороне, – предложил Гуров. – Давай займемся Кувшиновыми. Против них тоже есть косвенные улики. Во-первых, Константину Кувшинову даже не нужно изготовлять запасной комплект ключей – он у него наверняка имеется. Во-вторых, его участие в убийстве легко объясняет исчезновение спутникового телефона: телефон никуда не исчезал, Костя его попросту спрятал, чтобы лишить нас возможности вызвать полицию и быстро провести полноценное расследование. Возможный мотив убийства в таком случае – шантаж со стороны механика.

– А также он мог сорвать кольцо с патрубка, чтобы вызвать крушение вертолета и погибнуть вместе с нами, – иронически заметил Кривобоков. – Бабченко в таком случае мучился бы угрызениями совести. Вот какой был злодейский замысел!

– Я твою иронию понимаю, – ответил Гуров. – Но все могло выглядеть совершенно иначе. Возможно, Бабченко просто выдумал полемку, чтобы войти ко мне в доверие и бросить тень на хозяина. Возможно, это была часть его шантажа. А можно представить и другое: что Костя на самом деле не собирался с нами лететь, а хотел в последний момент уступить свое место механику – ну, дескать, так будет безопаснее. И лишь когда увидел, что Бабченко обнаружил

поломку, передумал. Впрочем, подозрение лежит не только на Косте. Убийство мог совершить и Виталий.

– А может быть, все Кувшиновы находятся в сговоре, – добавил криминалист. – И всю эту поездку они задумали, чтобы свести счеты с механиком.

– Да, тогда понятно то упорство, с каким они выставляют убийцей Сергея Саенко.

– В таком случае нельзя верить ни одному их слову, сказанному в гостиной, когда стало темно, – продолжил развивать эту мысль Кривобоков. – Они поддерживали друг друга, создавая алиби убийце, чтобы тот мог выйти из комнаты и вернуться.

– Да, но как это возможно? Ведь мы с тобой ясно слышали слова Кости. Они были произнесены как раз в то время, когда я различил чьи-то шаги в темноте. Он не мог одновременно уйти из комнаты – и оставаться в ней!

– Значит, убийство совершил Виталий, – заключил Павел. – А его жена лжет, когда говорит, что муж все время сидел рядом.

– Но это говорят не только Лена и Ксения, но и Настя, – заметил Гуров. – А про нее мы вроде решили, что она не участвует в заговоре. Или мы от этого предположения должны отказаться?

– Мне кажется... – начал Кривобоков, но не закончил фразу.

Не сделал он это потому, что за дверью послышались шаги, а затем знакомый женский голос произнес:

– Тут кто-нибудь есть?

– Да, мы здесь! – хором крикнули оперативники.

Послышался звук отодвигаемого засова, дверь заскрипела и открылась. В ледник хлынул поток света из подвала. В дверном проеме стояла Настя.

– И что вы тут делаете? – спросила она.

– Проверяем, сколько времени можно выдержать без света и воздуха, – ответил Гуров. – Шучу, конечно. Просто наш разговор кто-то подслушивал, а когда я это заподозрил, этот «кто-то» нас запер и убежал. А как вы догадались, что мы здесь? Почему начали нас искать?

– Просто уже два часа, пришло время обеда, все собрались, а вас нет, – объяснила Настя. – Татьяна пошла вас звать в ваши комнаты, а вас и там нет. Тогда Константин Геннадьевич встревожился, послал всех вас искать. Я сначала хотела идти на веранду, потом почему-то решила заглянуть в подвал. Стала звать, ну, вы и откликнулись...

– Это у вас, Настенька, интуиция сработала, – сказал Гуров, выходя из ледника. – И очень хорошо, что сработала, а то мы порядком застыли. И обед сейчас будет очень кстати. Только обязательно горячий!

Они все вместе направились в столовую, причем Кривобоков все еще нес в руке добытую в озере монтировку. Когда двое товарищей появились в столовой, раздались приветственные возгласы, сразу с нескольких сторон послышались вопросы о том, где они были. Гуров сказал, что их кто-то запер в холодильнике. Говорил он в самом веселом тоне и вообще представил все случившееся как шутку. Однако заметил, что только Лена с Ксенией склонны видеть в случившемся смешную сторону, остальные, особенно старший Кувшинов, выглядели встревоженными.

– То есть кто-то подслушивал ваш разговор? – уточнил он. – А затем запер дверь? Но зачем? Может, он надеялся, что вы замерзнете? Или задохнетесь?

– Ну, вряд ли его намерения были такими кровожадными, – покачал головой Лев. – Чтобы мы там замерзли или задохнулись, потребовалось бы несколько суток. Просто этот человек не хотел, чтобы я его увидел.

– Но кто это мог быть? – проговорил Константин Геннадьевич, размышляя вслух. – Я, когда вернулся с озера, сначала принял горячий душ, потом пил чай, потом... Да, потом

я попросил Таню соорудить мне целый чайник горячего чаю с медом и принести в кабинет. Сидел в кабинете, изучал договоры и другие бумаги.

– А Таня принесла тебе чай? – спросил Гуров.

– Конечно. – Кувшинов даже удивился такому вопросу. – Как я и просил.

– А ты не помнишь, во сколько это было?

– Во сколько... Вряд ли я могу так точно вспомнить, – задумчиво произнес хозяин усадьбы. – Хотя нет, постой! Как раз в это время часы пробили одиннадцать часов.

Гуров с Кривобоковым быстро переглянулись, после чего Лев пресек все разговоры:

– Я считаю, что сейчас не время говорить о нашем приключении. Обед стынет! Давайте поедим, а потом уже продолжим это обсуждение.

В зал вошла Таня, которая несла супницу с горячим супом. Она начала разливать его по тарелкам. Гуров принял свою тарелку, взял ложку, но к еде приступать не спешил. И лишь когда все Кувшиновы начали есть, он тоже отправил в рот первую ложку. Искоса взглянув на Кривобокова, он заметил, что тот поступил точно так же, и подумал: «Понятно. Ему, как и мне, не хочется оказаться отравленным. А сделать это может прежде всего кухарка. Но вряд ли она станет травить всех, кто здесь находится...»

После обеда, когда Татьяна принесла самовар и начали пить чай, он произнес:

– Ну, вот теперь можно вернуться к вопросу о нашем с Павлом приключении. Меня интересует, где находились остальные обитатели усадьбы в период с половины одиннадцатого до одиннадцати часов. С Константином Геннадьевичем мы этот вопрос выяснили. Теперь мне хотелось бы задать его Ирине Валерьевне.

– Мне? – спросила хозяйка дома с безразличным выражением лица. – Я не помню... Кажется, сидела в библиотеке, читала какой-то современный роман...

– Да нет, мам, какой роман! – воскликнула Ксения. – Может, ты и думала почитать роман, но я видела тебя в гостиной, ты смотрела по телику какой-то детектив.

– И вовсе не по телику, а запись на диске, – живо возразила Ирина Валерьевна. – И не «какой-то детектив», а Агату Кристи, «Десять негрятят». Обожаю эту вещь! Столько психологии! Такое знание людей!

– А вы не помните, сколько времени было, когда вы закончили смотреть эту замечательную вещь? – спросил Гуров.

– Нет, конечно, я не смотрела на часы, – ответила хозяйка.

– А вы, Ксения, не помните, когда видели мать в гостиной?

– Ну, точно не скажу... – задумалась девушка. – Я, собственно, спустилась в столовую, чтобы налить себе стакан сока, потом снова поднялась к себе. Как раз в это время начали бить часы у отца в кабинете. Сколько же они пробили?

– Да одиннадцать они и пробили! – внезапно раздался голос Татьяны. Оказалось, что она успела вновь вернуться в столовую, чтобы забрать грязную посуду, но остановилась в дверях, слушая разговор. – Я как раз Константину Геннадьевичу чай понесла. И когда поднималась, видела, как ты проходила через холл – наверное, в столовую шла. Точно, одиннадцать было.

– Ну вот, значит, в это время мама смотрела «Негрятят», – заключила Ксения. – Помните, я еще взглянула на экран. Действие только начиналось, погиб первый приговоренный. То есть маме оставалось смотреть еще полтора часа.

– А вы что делали у себя вместе со стаканом сока? – спросил Гуров.

– О, я пела! – ответила Ксения. – Поставила Ньюшу, потом Валерию и пела караоке. Я люблю это занятие.

– Да, я могу подтвердить, – заявила Лена. – Мы с Виталием были у себя, а комната Ксении рядом, и я хорошо слышала, как она пела.

– Слышали именно ее, а не Валерию? – уточнил Гуров.

– Ну да. Это же караоке, спутать тут трудно. И потом, довольно громко было.

– Итак, мы выяснили, чем занимались почти все. А вы с мужем где были? У себя? – повернулся он к Насте.

– Мы сидели у себя в комнате, – ответила девушка.

– И что делали?

– Да дурачились! – вмешался Саенко. – Я играл на гребенке, на стульях, Настя танцевала...

– Но подтвердить это, наверное, никто не может?

– Пожалуй, нет, не может... – согласился Саенко.

– Итак, картина все та же, – заключил Гуров. – Алиби имеется у всех, кроме господина Саенко и его супруги. Показания остальных обитателей усадьбы взаимно перекрываются. Костя сидел у себя в кабинете. Это подтверждает Татьяна, которая принесла ему чай. Ирина Валерьевна смотрела фильм. Это видела Ксения, которая спускалась в столовую за соком. А саму Ксению видела Татьяна. Все безупречно...

Все вновь посмотрели в сторону Сергея Саенко. На этот раз банкир даже не возмутился; он лишь состроил зловещую гримасу и процедил:

– Да, я такой, я крутой, всех замочу! У, берегись!

– Понимаю, это шутка, – закивала головой Ирина Валерьевна. – Но я бы на вашем месте, Сережа, не шутила. Согласитесь, что все свидетельства складываются не в вашу пользу.

– Да ничего тут не складывается! – сердито возразила Настя. – Просто вы все родственники, а мы для вас чужие. Вот вы нас и топите. Жду не дождусь, когда можно будет отсюда уехать!

– А чего тут дожидаться? – пожала плечами Ирина Валерьевна. – До сих пор Лев Иванович нас не выпускал, потому что не мог найти орудие убийства. Теперь орудие найдено. Кстати, и дождь кончился. Так что не знаю, как кто, а я собираюсь уехать прямо сейчас.

– Да, но кто же поведет катер? – спросила Настя.

– Ну, в обычных условиях это делал Борис, но теперь, раз так обернулось... – Ирина Валерьевна задумалась и добавила: – Может повести Виталий. Он хорошо знаком с техникой. Ты ведь сможешь, правда, сынок?

– Конечно, мамуль, без проблем! – заверил ее сын. – Лена тоже мечтает скорее уехать.

– Ну, вот все и уедем, – решительно кивнула Кувшинова. – Только Татьяне придется подождать до приезда полиции. Да, Костя, ты ведь, наверное, уже известил полицию об этом несчастье? Они скоро приедут?

Константин Геннадьевич тяжело вздохнул, прежде чем ответить, и поэтому его опередила Татьяна:

– Напрасно размышлялись! Я тут и минуты не останусь! Я у вас работать больше не собираюсь. И оставлять меня здесь одну вместе с трупом вы не имеете права!

– Ну, хорошо, хорошо, уедешь вместе с нами, – пожала плечами Ирина Валерьевна. – Или с полицейскими, может, они вот-вот подоспеют.

– Нет, Ира, полиция не подоспеет, – сообщил Кувшинов.

– Это почему же?

– Потому что я ее не вызвал. А не вызвал потому, что у меня пропал мой спутниковый телефон.

– Что такое?! – воскликнула Ирина Валерьевна, выпрямляясь в кресле. – Как это пропал? Когда?

– Вчера... Даже скорее позавчера. Еще до того, как погиб Борис.

– Почему же ты об этом ничего нам не сказал?! – гневно воскликнула хозяйка.

– Не хотел пугать... расстраивать... – развел руками Кувшинов. – Я и Льва Ивановича просил никому не говорить. Это мы с ним вместе обнаружили пропажу.

– Значит, если бы дождь не кончился, мы бы так и сидели, запертые здесь! – воскликнула Ирина Валерьевна. Было заметно, что она близка к истерике. – Наедине с трупом... Как звери в западне... Какое счастье, что погода установилась! Я сейчас же иду собирать вещи!

– Подождите, не спешите, – остановил ее Гуров.

– Это почему еще? – вскинулась Ирина Кувшинова. – Опять какое-нибудь расследование?

– Расследование еще не закончилось, вы правы. Но уехать вы не сможете по другой причине. Прислушайтесь.

Все замолчали, и тогда стал слышен ровный глухой шум, доносившийся снаружи. Ирина Валерьевна, а за ней остальные встали и прильнули к окнам. Они увидели, что снаружи вновь идет дождь, который на глазах превращается в мощный ливень. Ветер с новой силой гнул верхушки деревьев. Ураган возобновился.

Глава 13

– Значит, мы обречены сидеть здесь неизвестно сколько? – воскликнула Ирина Валерьевна и разрыдалась. – Нас здесь всех убьют, убьют!

Муж кинулся подавать ей воду и успокаивать. Остальные потихоньку потянулись к выходу из столовой.

– Давай сделаем так, – тихо шепнул Гуров Кривобокову, когда они вышли в холл. – Я сейчас как-нибудь отвлеку Татьяну, а ты в это время обещешь ее комнату. Ведь получается, что подозреваемых у нас только двое – она и Саенко.

– Но Саенко не подходит по росту, да и мотива у него нет – мы с тобой это обсуждали, – сказал Кривобоков.

– Вот именно. Остается одна Татьяна. Так что нужно осмотреть ее хозяйство. И тебе это сделать лучше, чем мне, – ведь ты криминалист.

– Хорошо. А как ты ее отвлечешь?

– Приглашу в кухню.

– Будешь проверять кухонное хозяйство на предмет антисанитарии? – усмехнулся Павел Петрович.

– Может, санитарии хранения продуктов... Побеседую еще раз о Бабченко. В общем, полчаса в твоём распоряжении точно будут.

– Хорошо, тогда я пойду в гостиную, оттуда увижу, когда она отправится на кухню.

Кривобоков уселся в гостиной с какой-то книжкой в руках, а Гуров постучался в комнату кухарки. Когда она открыла, он сказал, что хотел бы осмотреть кухню, а заодно побеседовать с ней о погибшем механике. Татьяна слегка удивилась, но возражать не стала, и они пошли вместе. На кухне Гуров начал осматривать продукты на полках, а также коллекцию ножей.

– Что-то я не пойму, чего вы ищете, – заметила кухарка. – Монтировку, которой Борю убили, вроде нашли. Или вы думаете, что там и ножом пользовались?

– Нет, ножа там не было, – признал Гуров. – А что я ищу... Понимаете, Таня, я и сам не знаю. Но мне как-то беспокойно. Преступник разгуливает среди нас, и я не знаю, какие у него замыслы. И не знаю, что он может использовать, если вдруг решится на новое убийство. Скажите, у вас ведь кислот в доме нет?

– Каких кислот? Уксусная есть, вон стоит...

– Нет, я имею в виду серную или азотную...

– Нет, зачем нам? – покачала головой Татьяна.

– А ядов? Скажем, в аптечке?

– Аптечка в комнате у Ирины Валерьевны, – ответила кухарка. – Я в нее не лезу и что там – не знаю.

– Понятно, понятно... – пробормотал Гуров, вертя в руках остро наточенный разделочный нож. – Острый ножик... Таким достаточно раз провести, например, по шее – и человека уже не спасешь... Скажите, а кухня запирается?

– Нет, с какой стати? – вновь удивилась Татьяна. – А как тогда быть, если кто-то чай захочет или кофе?

– Значит, кухня всегда открыта... – задумчиво произнес Лев. – Скажите, Таня, вот вы заявили, что погибший был для вас близким человеком. А у вас в последнее время не возникало с ним ссор, размолвок?

– Так вот вы к чему клоните! – воскликнула кухарка. – Так слушайте, что я вам скажу: нет, не возникало! Борис от меня ничего не скрывал, всем делился!

– И о том, что кто-то вывел из строя вертолет, тоже рассказал?

– Вертолет?! – негодование на лице Татьяны сменилось удивлением. – Какой вертолет? Когда?

– Значит, не рассказывал, – заключил Гуров. – А о подозрениях, которые у него вчера возникли, не говорил?

– Подозрения? – Теперь кухарка выглядела вовсе растерянной. – Нет, ничего... Он вообще был скрытным человеком, – призналась Татьяна. – Мало что мне говорил о делах. Так, о всяких пустяках. А о важном – никогда.

– Вот видите! – наставительно произнес Гуров. В приоткрытую дверь в коридор он заметил Кривобокова, который подавал ему какие-то знаки, и понял, что отвлекающую беседу можно заканчивать. – Ладно, я пойду, тут я все осмотрел.

Он уже собирался закрыть за собой дверь, когда кухарка окликнула его:

– Лев Иванович! Знаете, я вспомнила одну вещь...

– Да, какую?

– Вчера, еще перед ужином, он сел поесть... – начала объяснять Татьяна. – Понимаете, мы с ним ведь не ели вместе с хозяевами, мы садились отдельно, раньше или позже остальных, как получится. И вот вчера он хотел поесть раньше других, чтобы потом быть свободным. Я его спросила, отчего такая спешка – ведь обычно он ел позже. И он ответил: «Кувшинов хочет, чтобы я за генератором приглядел. А еще мне за катером смотреть надо». Я, помню, удивилась и спросила: «Чего за ним смотреть? Чай, гулять не уйдет». А он ответил: «Может, и уйдет. Кто-то в моторе копался. Может, тут то же самое, что с вертолетом, не знаю». Я этот разговор забыла. А сейчас, когда вы о вертолете сказали, вспомнила. А что там случилось с вертолетом?

– Борис обнаружил там неисправность, – коротко ответил Гуров. – Прямо перед полетом. В другой раз подробней расскажу, а сейчас извините, идти надо.

И он вышел в коридор, где ждал Кривобоков. Вид у того был заговорщицкий, не говоря ни слова, он поманил Гурова за собой. Они прошли через холл, миновали коридор, который вел в служебные помещения, и вошли в тесную каморку, где стояли большая стиральная машина, а также сушилка и гладильный аппарат. Здесь криминалист повернулся к другу и произнес:

– Значит, так. Я внимательно осмотрел комнату Лоскутовой, но ничего интересного там не нашел. Но я решил расширить зону поисков и посмотреть еще служебные помещения. Ведь, в конце концов, кухарка могла спрятать что-то там. И представь, нашел кое-что за стиральной машиной. Вот оно.

Он протянул руку за машину и извлек оттуда тонкую женскую кофточку. Вначале Гурову показалось, что белая ткань кофточки украшена нарядной красной вышивкой. Но когда криминалист развернул находку, Гурову стала ясна его ошибка: на белой ткани ясно выделялись пятна крови.

– Сейчас я, конечно, не могу определить группу этой крови и сказать, совпадает ли она с кровью погибшего, – сказал Кривобоков. – Но в Иркутске это будет легко сделать. Теперь нам осталось определить, кому принадлежала эта одежда. Я хочу показать ее Косте – вдруг он узнает. Ну, или Ксении.

– Нет, не нужно, – покачал головой Гуров, мрачно разглядывая кофточку. – Не надо никого расспрашивать.

– Не нужно спрашивать? – удивился Кривобоков. – Но почему?

– Потому что я узнал эту кофточку. Целый день она у меня перед глазами была, вот и узнал. Ты, кстати, тоже мог бы узнать – ты там тоже был.

– Не знаю... – неуверенно произнес криминалист. – Не помню...

– Это кофточка Насти Саенко. И остается несколько вопросов. Чья на ней кровь? Как она попала на одежду? И кто подложил эту вещь сюда, чтобы мы ее нашли?

– Ты думаешь, что ее положили специально? – удивился Кривобоков. – Но почему?

– Потому что вчера, когда я вместе с Костей осматривал дом, ее здесь не было, – уверенно заявил Гуров. – Это совершенно точно. Ее положили сегодня ночью или утром. И, несмотря на находку, я по-прежнему убежден, что Настя непричастна к убийству. Пожалуй, сейчас я в этом даже более уверен, чем раньше.

– Именно потому, что кто-то усиленно «топит» ее и мужа? – догадался Кривобоков.

– Вот именно! Кто-то отвлекает наше внимание от себя. И этот «кто-то» запер нас с тобой в подвале, а еще раньше закрыл входную дверь, и я остался на улице. А еще этот «кто-то» копался в моторе большого катера.

– А это откуда известно?

– Татьяна рассказала только что. Ей об этом сказал Бабченко, прямо перед тем, как его убили. Я думаю, это и была та новость, которой он хотел со мной поделиться. А может, еще и своими соображениями, кто мог это сделать.

– И за это его убили...

– Может быть.

– Хорошо, теперь скажи, что ты будешь делать? – спросил криминалист. – Пойдешь допрашивать Настю? Спросишь, как ее кофточка попала сюда?

– А зачем спрашивать? – пожал плечами Гуров. – Я и так знаю. Позавчера она весь день в ней ходила. И, естественно, решила постирать и положила вот сюда, в бак. – Гуров шагнул чуть в сторону и открыл бак с грязным бельем. – А уже отсюда кто-то ее взял, измазал в крови и засунул за стиральную машину. Проще всего это было сделать Татьяне. Но так мог поступить и любой другой из живущих в доме. Так что вопросов к Насте у меня, пожалуй, нет. Если я с кем сейчас и хочу поговорить, так это с Ириной Валерьевной.

– А это почему? – удивился Кривобоков.

– Видишь ли, в тот памятный момент, когда погас свет и убийца в темноте направился в подвал, чтобы покончить с механиком, Ирина Валерьевна сидела между своим мужем и сыном – двумя людьми, которые, если не считать Татьяны, могли нанести удар монтировкой. И мне хочется, чтобы она хорошенько вспомнила минуты, проведенные в темноте. Не было ли там чего-то, на что я не обратил внимания при первом допросе?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.